

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2016 – № 2

ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
В РОССИИ
PERCEPTIONS OF EUROPEAN
COUNTRIES IN RUSSIA

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2016

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №2 / 2016**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 327.8
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2016 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Исследуются факторы, влияющие на отношение российского общества к европейским странам, и сдвиги в восприятии россиянами Европы. Анализируется роль политической элиты, СМИ, экспертного сообщества России в формировании образов европейских стран. Для политиков, научных работников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

УДК 327.8
ББК 66.2

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	6
Отношение российского общества к Украине. (Реферативный обзор)	10
Франция: взгляд из России	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Актуальные проблемы Европы №2 / 2016

Восприятие европейских стран в России

Сведения об авторах

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Bitkova T.G. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Philology). (tgbitkova@mail.ru)

Васильев Виктор Иванович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Vassil'iev V.I. – Leading research fellow, Institute of World Economy and International Relations RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (vvi-1947@yandex.ru)

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Gordon A.V. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (gordon_alexandr@mail.ru)

Животовская Ирина Георгиевна – независимый эксперт.

Zhivotovskaya I.G. – Independent researcher. (zhivotov_2004@mail.ru)

Кочегарова Тамара Михайловна – научный сотрудник Института социологии РАН (ИС РАН), ученый секретарь Российско-Балтийского центра ИС РАН.

Kochegarova T.M. – researcher at the Institute of Sociology of RAS, Scientific secretary of the Russian-Baltic center IS RAS. (Simonyin.renald@yandex.ru)

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lapina N. Yu. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (lapina_n@mail.ru)

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lykoshina L.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (lykoshina.lara@yandex.ru)

Ушкова Екатерина Леонидовна – ведущий редактор ИНИОН РАН.

Ushkova E.L. – researcher, INION RAS. (veger@list.ru)

Черкасова Екатерина Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Cherkasova E.G. – Senior researcher, Institute of World Economy and International Relations RAS, Ph.D. (History). (Katya_Moscow@inbox.ru)

Щербакова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Scherbakova Yu.A. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (History). (juli.bak@mail.ru)

Введение

Россия и Европа. Вечные вопросы: «Кто мы?», «Что дала нам европейская культура и насколько хорошо мы ее усвоили?» Вечные споры между западниками и славянофилами, почвенниками и европеистами-модернистами относительно дальнейших путей развития нашей страны. На протяжении столетий Запад выступал для России в качестве «значимого *Другого*», с которым ассоциируются важные для российской ментальности картины мира. В конечном счете конструирование российской идентичности происходило в поиске ответов на поставленные вопросы и в дискуссиях, которые вновь приобретают актуальность.

Для России интерес к образу европейских стран не ограничивается соображениями идеологии и самоидентификации. В нем таится подспудный политический смысл. После крушения Советского Союза казалось, что новая Россия «открылась» Европе. Возникло ощущение, что между нами устанавливается атмосфера взаимного понимания и доверия и что вскоре ценности универсальной демократии распространятся на пространстве «от Атлантики до Урала». Эти настроения отразились на отношении наших сограждан к странам Европы, на общей тональности их восприятия. В 1998 г. 50–51% россиян в культурном отношении отождествляли себя со странами Запада – США, Францией, Германией. Объясняя этот феномен, специалисты Института социологии РАН подчеркивали: «Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество просто утратило психологическую потребность в... “надрывном” антизападничестве»¹.

Выявилась и другая сторона общественных настроений. После первых лет демократии в российском обществе все больше стали проявляться «крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе»². В 2011 г. 47% россиян, по данным Левада-центра, называли Россию «великой державой», осенью 2015 г. этого мнения придерживались 65% наших сограждан³. Вначале сдвиги в массовых настроениях не носили антизападной направленности, а симпатии к западным странам сохранялись на высоком уровне. Однако постепенно возникала настороженность. Бомбардировки Сербии, вступление стран Восточной Европы и ряда бывших советских республик в ЕС и последовавшее за этим расширение НАТО вызвали ощущение нарастающей международной изоляции, в конечном счете обернувшееся стремлением «замкнуться». Тяготение к цивилизационным стандартам, выработанным на Западе, характерное для значительной части россиян в первой половине 1990-х годов, сменилось установками: «Россия – это особая цивилизация», у «России особый путь развития».

Четверть граждан РФ (26%), по данным исследования Института социологии РАН, в 2004 г. были причислены к модернистам. Модернисты, по оценке социологов, привержены идее, что России подходит западный путь развития, они предпочитают общество индивидуальной свободы обществу социального равенства, демократию – безопасности. К 2007 г. эта группа сократилась до 20%, зато выросла когорта лиц, исповедующих «традиционные ценности»⁴. Международный кризис, вызванный украинскими событиями, явился важным переломным моментом. Он усилил в российском обществе ощущение «осажденной» крепости. Под влиянием экономических и финансовых санкций, приостановки сотрудничества с европей-

¹ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2007. – С. 104, 106.

² Там же. – С. 105.

³ Две трети россиян назвали Россию великой державой. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/24123545> (Дата обращения – 30.11.2015).

⁴ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2007. – С. 37.

скими странами в российском массовом сознании усилилось негативное отношение к западным соседям, многие из которых стали восприниматься как «враждебные» страны⁵.

Негативные чувства подогревались пропагандой российских СМИ, которая, пожалуй, за весь постсоветский период никогда не была столь эффективной. В прессе писали о том, что западноевропейские страны утратили «суверенитет», «растворяются» в глобальном мире, а на международной сцене реализуют цели и задачи, выдвинутые США. Говорилось, что Европа теряет свое лицо, открыв границы иммигрантам из стран Азии и Африки, и не способна осуществить их социально-культурную адаптацию. Что она утрачивает моральные принципы и саморазрушается, отказываясь от традиционных ценностей, признавая права гей-сообщества и однополые браки.

Страны Европы, европейские общества, цивилизационные стандарты остаются для современной России важнейшей опорной точкой сопоставления с отечественными реалиями. Многие европейские страны – давние внешнеполитические партнеры России, с ними нас объединяют трагические и героические моменты прошлого. У нас общие культурные корни. Несмотря на периодическое взаимное охлаждение и даже вражду, постоянным оставался культурный диалог между Россией и Европой. В 2007 г. в представлениях россиян Европа ассоциировалась с такими понятиями, как «цивилизация» (80,1%), «культура» (52,9%), «права человека» (79,3%)⁶. В 2015 г., несмотря на сложную международную обстановку и рост критических настроений в отношении стран Запада, 36% наших сограждан хотели бы видеть в будущем свою страну «такой, как развитые страны Запада»⁷.

В культурном диалоге с Россией странам Европы принадлежит каждой свое, особое место. Давняя история у российско-итальянских политических и культурных связей. В 2004 г. в Италии и России торжественно отмечали 500-летний юбилей установления дипломатических отношений. Столько же столетий насчитывает и культурное сотрудничество между двумя нашими странами. Уже в первых свидетельствах об Италии, датируемых XV в., эта страна предстает как мир великолепных произведений искусства и выдающихся технических достижений. Приглашение итальянцев на службу ко двору в XV в. свидетельствовало об интенсификации контактов Московского государства с государствами Северной и Центральной Италии. Вместе с тем, как отмечают специалисты, восприятие культуры итальянского Возрождения оставалось поверхностным: «Усваивались формы: архитектурные, орнаментальные, риторические и другие – но никак не содержание, основанное на антропоцентричной гуманистической философии»⁸.

Благодаря Италии в России появились комедия, опера и балет. Для русских путешественников XVIII–XIX вв. Италия представлялась «сокровищницей искусства». В их восприятии страна идеализировалась, приобрела очертания «рая на Земле». Восторженное отношение русских к Италии сохранилось вплоть до XX в. Н.А. Бердяев выразил это чувство лаконично, он писал: «Италия для нас не географическое, не национально-государственное понятие. Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества»⁹.

В XVII в. в России высоко ценили польскую культуру, русские цари и придворная аристократия знали польский язык, Польша была страной, через которую европейская культура

⁵ Отношение России к Западу за последний год резко ухудшилось. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_r/2015/01/29/otnoshenie_rossijan_k_zapadu_za_poslednij_god_rezko_uhudsilos/ (Дата обращения – 29.01.2015).

⁶ Андреев А.Л. Отношение россиян к Европе // *Россия и Европа* / Под ред. Н.А. Нарочницкой. – М., 2014. – Т. 2. – С. 219.

⁷ Две трети россиян назвали Россию великой державой. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/24123545> (Дата обращения – 30.11.2015).

⁸ Матасова Т.А. Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV – первой трети XVI. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 2012. – С. 21.

⁹ Бердяев Н.А. Чувство Италии // *Биржевые ведомости*. – Спб., 1915. – 2 июля. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1915_198.htm

проникала в Россию. С начала XVIII в. большое влияние на нашу страну оказала немецкая культура. А в конце XVIII в. культурной моделью для России стала Франция. Французский язык превратился в родной для образованной части российского общества, стал официальным языком двора и дипломатии. С большой симпатией в России относились к Испании, считая ее «романтической» страной. Связанные с этой страной образы на протяжении XIX – начала XX в. обогатили русскую культуру. Чувство искренней симпатии подкреплялось и эпизодами общего прошлого: Испания защитила Европу от арабского нашествия, Россия – от татаро-монгольского, и позже, в начале XIX в., обе страны оказали героическое сопротивление армиям Наполеона.

Представления о *Другом* амбивалентны. В них скрыты как позитивные, так и негативные стороны. Культура – это пространство, которое, как правило, объединяет. Политика, история, идеология нередко становятся факторами разъединяющими. Исторические и политические образы достаточно устойчивы. В императорской России остро стоял «польский вопрос», а стремление поляков к самостоятельности, их желание сохранить свою религию воспринимались как «предательство славянской идеи». Сегодня это отношение не исчезло. В 2007 г. 38% наших сограждан испытывали отрицательные чувства при упоминании о Польше¹⁰. Все это так или иначе отразилось на установлении в РФ государственного праздника, который официально приурочен к изгнанию польских войск из Москвы в 1612 г.

Иначе складывалось восприятие нашими согражданами Чехии и чехов. В XIX в. российское общество доброжелательно встретило чехов-переселенцев. Представители этой нации внесли большой вклад в развитие русской культуры. В советские времена СССР был потрясен событиями в Чехословакии. Движение протеста, развернувшееся в Чехословакии в 1968 г., поляризовало советское общество. Политические элиты СССР выступили за подавление восстания военной силой, тогда как интеллигенция следила за пражскими событиями с сочувствием и надеждой, что позитивные изменения начнутся в СССР.

В постсоветский период исключительную доброжелательность наши сограждане проявляли к немцам. На вопрос: «Как Вы относитесь к Германии?» – большинство наших соотечественников отвечали позитивно. В 1992 г. этот ответ дали 68% россиян, в 1997 г. – 72, в 2000 г. – 85, в 2001 г. – 76, в 2002 г. – 80, в 2003 г. – 84, в 2007 г. – 75%¹¹.

Сложившиеся за века непростых взаимоотношений культурно-исторические стереотипы оказываются довольно противоречивыми. В итальянцах россияне ценят умение радоваться жизни, отмечая их склонность к «прекрасному ничегонеделанию». Поляков считают «неблагодарными», но при этом всегда в России ценились «элегантность» и красота польских женщин, галантность польских мужчин. Французы в восприятии россиян «легковесны», но при этом «веселы» и «жизнерадостны», испанцы – «романтичны». Немцы – «аккуратны» (78,8%), «законопослушны» (60,8), «пунктуальны» (69,4), «трудолюбивы» (50,4), но «скупы» (43,3) и «расчетливы» (58,5%). Англичане – «деловиты» (54,6%), «вежливы» (57,9), отличаются «уверенностью в себе» (43,4) и «индивидуализмом» (40,9). Украинцы «гостеприимны» (43,5), но «необязательны» (40,1) и «хвастливы» (51,5%)¹².

Характерная деталь: анализ восприятия нашими согражданами разных стран и народов свидетельствует о том, что сохраняется проблема взаимоотношения больших и малых этносов. К большим европейским народам россияне могут испытывать положительные или отрицательные чувства, но относятся к ним с уважением и воспринимают как равных себе. В отношении малых народов у россиян сохраняются признаки того, что исследователи называют «импер-

¹⁰ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2007. – С. 107.

¹¹ *Deutsche und russische Spiegelbilder. Was halten, was erwarten wir voneinander? (Potsdamer Begegnungen, 10) / Hrsg. von E.-J. von Studnitz und B. Klein. – Berlin, 2008. – Dezember. – S. 31.*

¹² Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2007. – С. 99.

ским высокомерием», хотя наши сограждане признают наличие достоинств у их представителей. «Великая нация с традиционно мессианскими амбициями, – замечает Т.М. Кочегарова, – не готова на равных общаться с малочисленными этносами». И это притом, что собственно имперские амбиции разделяет лишь пятая часть наших соотечественников¹³.

При чередовании времен войны и мира, и об этом писал еще Р. Арон, стереотипы меняются: оживают старые, появляются новые. Под влиянием украинских событий недружелюбное отношение наших сограждан к Польше и полякам еще больше возросло. При этом, что характерно, враждебно относящиеся к этой стране россияне не задумываются о том, что в Польше существуют люди, знающие русский язык, питающие интерес к России, ее истории и культуре¹⁴, а также что в Польше есть политики, искренне желающие установления между нашими странами добрососедских отношений¹⁵.

Восприятие стран и народов далеко не идентично. В условиях кризиса наши сограждане разделяли власть и народ Украины: 87% опрошенных в сентябре 2015 г. россиян негативно оценивали украинскую власть, при этом у 63% респондентов сохранялось положительное отношение к украинцам¹⁶. То же можно сказать и о восприятии Румынии и румын. Если румынское государство рассматривается как «агрессивное» и «коварное», то на повседневном уровне румыны видятся россиянам как симпатичные и гостеприимные люди. Во всяком случае, именно такой образ народа сформировался в повседневной жизни у российских туристов. А это значит, что человеческие отношения в ряде случаев сильнее политики и пропаганды.

Воссоздавая и анализируя представления российского общества о странах Европы, авторы статей хотят понять, как на протяжении истории формировались и менялись внешне-политические образы; какие факторы оказывают влияние на этот процесс; какую роль в них играют культура и история, память прошлого, а какую – пропаганда и стремление сформировать «образ врага». Исследование этой проблематики имеет большую практическую и актуальную политическую значимость не только с точки зрения национальной самоидентификации «Кто мы?». Политикам и рядовым гражданам следует иметь представление о том, как в их стране воспринимаются другие страны и народы; что отягощает внешнеполитические образы, а что делает их привлекательными.

Большинство наших сограждан, как уже отмечалось выше, считают Россию «великой державой». С этим понятием в массовом сознании ассоциируются не только экономический потенциал страны, ее военная мощь и культура, но и уважение других стран. Было бы хорошо, если бы наши граждане понимали, что позитивное отношение к России, авторитет страны в мире напрямую зависят от восприятия Россией внешнего мира. А политики и журналисты осознали бы, насколько катастрофичными в человеческом и гуманитарном планах становятся результаты пропагандистских кампаний и как сложно затем «очистить» образ соседней страны от закрепившихся за ним характеристик. Без понимания этих проблем России и другим европейским странам будет сложно преодолеть накопившиеся противоречия и выйти из тупика международного кризиса.

Н.Ю. Лапина

¹³ Моница Л. Народная геополитика России / Новости Украины From-UA.com [Сайт]. – 2013. – 31.01. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/articles/258973-narodnaya-geopolitika-rossii.html>

¹⁴ Глуховский Д. Польские чувства // Metro. – М., 2015. – 18 мая.

¹⁵ Валенса Л. С Россией не нужно входить в конфронтацию // НГ-Политика (Прилож. к «Независимой газ.»). – М., 2015. – 6 окт.

¹⁶ Российско-украинские отношения в зеркале общественного мнения: Сентябрь 2015 // Левада-центр. Пресс-выпуск. – 2015. – 05.10. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/10/05/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya-sentyabr-2015/>

Отношение российского общества к Украине. (Реферативный обзор)

Е.Л. Ушкова

Аннотация. В обзоре на основе опросов общественного мнения представлено отношение россиян к Украине. Рассматривается, как менялся образ ближайшего соседа в условиях украинского кризиса.

Abstract. The review presents the analysis of the attitude of Russians to Ukraine, it is done on the basis of public opinion polls and studies. It reflects how the image of the nearest neighbor of Russia is changing in the context of the Ukrainian crisis.

Ключевые слова: Россия, Украина, общественное мнение, опрос, социология, массовое сознание.

Keywords: Russia, Ukraine, the public opinion, poll, sociology, collective consciousness.

Украина – значимая для России и ее граждан страна в силу многих причин: этнической, культурной, языковой, исторической. Кризис 2014 г. в отношениях России и Украины был тяжело воспринят российским обществом.

Восприятие Украины в России до кризиса

Отношение россиян к Украине в 2000-е годы не оставалось неизменным. Пики обострения негативного восприятия ближайшего соседа приходятся на период «оранжевой революции» и «газовых войн». В более «мирные» периоды отношение, как правило, было позитивным. Данные опроса, проведенного социологами Левада-центра в январе 2013 г., указывали на доброжелательное отношение россиян к Украине. На вопрос: «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» – 10% респондентов ответили «очень хорошо», 64% – «в основном хорошо». Лишь 18% наших сограждан заявили, что относятся к Украине «плохо» или «очень плохо» [Монина, 2013]. Интересно, что результаты опроса не совпали с рейтингом геополитических приоритетов. Среди стран, на сотрудничество с которыми России следует ориентироваться в своей внешней политике, россияне называли прежде всего Германию, Францию, Великобританию (48%) и лишь потом Украину, Беларусь, Казахстан (46%) [там же].

«Почему страны СНГ перестали быть главным стратегическим партнером с точки зрения россиян? Возможно ли сотрудничество России и Украины на новой, не имперской основе?» – такие вопросы задали в начале 2013 г. сотрудники сайта «Новости Украины» украинским и российским экспертам. Отвечая на него, руководитель украинской социологической службы «Research&Branding Group» Евгений Копатько отмечал, что отсутствие интереса россиян к постсоветскому пространству, и в частности к Украине, связано с более низкими по сравнению с российскими стандартами жизни. С этой точки зрения постсоветские страны не являются для граждан России «иммиграционно интересными». Происходит обратный процесс: около 2 млн украинцев работают в РФ [цит. по: Монина, 2013].

Социолог подчеркивал, что политика, которую избрало украинское руководство, сложности во взаимоотношениях политической элиты Украины и России способствовали отдалению двух народов друг от друга. Под влиянием СМИ негативное отношение к радикальным представителям украинской политической элиты россияне переносят на всех жителей Украины. Исследователь полагал, что недостаточно высокий интерес к Украине как к геополитическому партнеру связан с возрастным фактором. Нет интереса к Украине прежде всего у представителей молодого поколения россиян, которые не жили в СССР.

Директор украинского филиала Института стран СНГ, политолог Владимир Корнилов подчеркивал, что, несмотря на повышенный интерес к Западу, в рейтинге «близости» украинцы занимают в представлениях россиян первые позиции, в то время как американцы и европейцы находятся на дистанции. В отношении интеграционных устремлений народов обеих стран украинский политолог высказал предположение, что «в Украине желающих объединиться с Россией гораздо больше, чем в России желающих объединиться с Украиной» [цит. по: Моница, 2013].

Ольга Каменчук, директор по коммуникациям ВЦИОМ, обратила внимание на совпадение данных, полученных ВЦИОМ и Левада-центром, относительно желательности тех или иных форм сотрудничества или интеграции с ближайшими соседями (Украиной, Беларусью, Казахстаном). Идею сотрудничества в 2013 г. поддерживали 47% россиян, причем среди них за восстановление бывшего СССР выступали лишь 20%, что свидетельствует об отсутствии имперских амбиций у наших сограждан. По восприятию различных национальностей, по данным ВЦИОМ, «россияне наиболее тепло относятся к себе самим, а также к украинцам и белорусам». Социолог подчеркивала «взаимное притяжение в так называемом “славянском треугольнике”» [цит. по: Моница, 2013].

В условиях кризиса

Ситуация резко изменилась в условиях кризиса. Массовые протесты в Киеве, начавшиеся осенью 2013 г., активизация и расширение протестного движения на Майдане, свержение Януковича, приход новой власти, присоединение Крыма к России, бои за Донецкую и Луганскую области стали поворотными событиями для Украины, резко повлияли на взаимное восприятие народов обеих стран. Насколько в ходе конфликта изменилось отношение россиян к Украине?

С конца 2013 г. опросы общественного мнения фиксируют устойчивую тенденцию: позитивное восприятие Украины жителями России снижалось, тогда как негативное росло. Регулярные исследования Левада-центра позволяют проследить эти изменения. Так, на вопрос: «Как Вы в целом относитесь сейчас к Украине?» – положительные ответы составляли: в сентябре 2012 г. – 74%, в сентябре 2013 г. – 69, в сентябре 2014 г. – 32, в сентябре 2015 г. – 33%; отрицательные ответы, соответственно: в сентябре 2012 г. – 17%, в сентябре 2013 г. – 23, в сентябре 2014 г. – 55, в сентябре 2015 г. – 56% [Российско-украинские отношения., 2015 б]. То есть по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. показатели отрицательного восприятия Украины выросли более чем в три раза. Наибольшие изменения произошли в период разгара украинского кризиса – с 2013 по 2014 г.

При этом можно утверждать, что россияне разделяют власть и народ Украины. Однозначно негативное восприятие руководства страны (87%) не совпадает с преобладающим положительным отношением к ее населению (63%). Хотя кризис сказался и на этом показателе, поскольку в докризисный период (2009) о положительном отношении к украинцам заявляли 75% наших сограждан [Российско-украинские отношения., 2015 б].

Об ухудшении отношения россиян к украинцам, проявляющемся в качественных оценках, летом 2015 г. в интервью радиостанции «Коммерсантъ FM» говорил эксперт Левада-центра Денис Волков: «Если посмотреть на качества, которые приписываются украинцам, то сначала это были примерно такие же, как у россиян, т.е. “хорошие”, “простые” и так далее. Сейчас, после того как конфликт начался, стали преобладать негативные – что они хитрые, завистливые и так далее. То есть всего лишь за год мы видим достаточно сильное изменение отношения именно к украинцам, а уж тем более к их руководству». Социолог подчеркивал, что по мере развития конфликта восприятие россиянами украинцев становилось всё хуже. «Если сначала

мы говорили о достаточно поверхностном отношении, которое следует за выпусками новостей, то чем дольше продолжается конфликт, тем это больше укореняется» [Волков, 2015 а].

Пессимистичные оценки в этой связи высказал и заместитель гендиректора Левада-центра Алексей Гражданкин: «Что касается общественного мнения россиян, то все дело в том, что наша госпропаганда собирает воедино и утрирует всю антироссийскую риторику, которая есть в Украине, а потому отношение к этой стране и ее руководству теперь столь категорично... В ближайшее время ожидать, что всё решится и затихнет, сложно». Вывод, к которому приходил социолог, неутешителен: «Даже когда конфликт закончится, прежними отношения россиян и украинцев уже не станут» [цит. по: Горбачев, 2015].

Если отношение россиян к Украине, по мнению Д.А. Волкова, не претерпело радикальных изменений и остается достаточно благодушным, то с украинским населением дело обстоит иначе. Основываясь на данных опросов Киевского международного института социологии (КМИС), он замечает, что «для украинцев то, что происходит, стало большой травмой. И то, что мы не замечаем, как сильно изменилось отношение украинцев к России, к россиянам, для дальнейшего взаимоотношения между странами, между народами будет большим препятствием, – то, что мы не заметили, как обидели» [Волков, 2015 а].

Являются ли русские и украинцы одним народом или двумя разными народами, ответы на этот вопрос, регулярно присутствующий в опросах Левада-центра, свидетельствуют, что число россиян, считающих русских и украинцев одним народом, вернулось к показателю 2013 г. после скачка вверх в марте 2014 г., вызванного энтузиазмом, связанным с присоединением Крыма: декабрь 2006 г. – «один народ» – 53%, «два разных народа» – 41%; ноябрь 2007 г. – 49% и 46%, соответственно; декабрь 2013 г. – 43 и 50; март 2014 г. – 56 и 38; март 2015 г. – 52 и 40; сентябрь 2015 г. – 46% и 47% [Российско-украинские отношения..., 2015 б].

При этом, выбирая предпочтительную форму отношений двух государств, россияне не считают их объединение возможным и желательным: об этом в июне 2015 г. заявляли лишь 2% населения. И это несмотря на активную пропаганду СМИ о «братском народе». 46% наших сограждан хотели бы видеть будущее отношений с Украиной без виз и таможен, 45% считали, что отношения должны быть строго регламентированы – с визами и границами. Исключение составили данные опросов, проведенных в марте 2014 г., когда почти треть россиян (28%) высказалась за воссоединение с Украиной. Специалисты Левада-центра объясняли эти настроения, «во-первых, патриотической эйфорией от присоединения Крыма, а во-вторых, неясностью на тот момент позиции политического руководства России относительно будущего восточных регионов Украины и предпринимаемых (военных) шагов в будущем» [Российско-украинские отношения..., 2015 а]. По мнению социологов Левада-центра, «позиция единства России и Украины как в территориально-государственном (объединение стран), так и в этнокультурном (один народ) плане не является преобладающей среди большей части населения РФ» [Российско-украинские отношения..., 2015 б].

Что касается событий на Украине, эксперты летом 2014 г. отмечали очень личностное отношение к ним россиян. Руководитель ВЦИОМ Валерий Фёдоров объяснял эту позицию близостью русского и украинского народов, а также тем, что более половины ныне живущих россиян имеют какие-то связи с украинцами – дружеские, родственные либо когда-то бывали на Украине [Фёдоров, 2014]. Год спустя, в сентябре 2015 г., ВЦИОМ констатировал снижение интереса к событиям на Украине в российском обществе: в январе 2015 г. за ситуацией в целом наблюдали 83% россиян (в том числе 38% следили внимательно), а в сентябре их число понизилось до 71% (в том числе 25% следили за информацией постоянно). При этом интерес к ситуации в соседнем государстве чаще проявляли пожилые люди (82% старше 60 лет), нежели молодежь (44% от 18 до 24 лет) [Куда идет..., 2015]. Таким образом, внимание к украинским событиям сохраняется, но его интенсивность снизилась по сравнению с периодом присоединения Крыма и введения Западом антироссийских санкций.

Ключевым событием в ходе украинского кризиса стало присоединение Крыма к России в марте 2014 г. По данным ВЦИОМ, в июне 2014 г. свыше 90% россиян поддерживали это решение [Фёдоров, 2014]. Год спустя «представления о правильности присоединения Крыма к России, трактуемые в понятиях восстановления исторической справедливости и защиты русскоязычного населения Украины от “фашистов”, не изменились». По данным Левада-центра, в марте 2014 г. 88% наших сограждан поддерживали это решение, в июне 2015 г. – 85%. Вывод социологов однозначен: «Факт присоединения Крыма окончательно легитимизировался в общественном мнении» [Российско-украинские отношения., 2015 а]. С точки зрения российского национального самосознания «присоединение Крыма для большинства (около 80%) стало доказательством того, что Россия вернула себе статус великой державы, утраченный с распадом Советского Союза», – считает Д.А. Волков [Волков, 2015 б].

События на востоке Украины еще летом 2014 г. обозначались как «война». Так, Валерий Фёдоров в интервью газете «Культура» отмечал, что «с одной стороны, никто не хочет влезать в войну на Украине, тем более когда перед глазами пример абсолютно бескровного присоединения Крыма. Но, с другой стороны, все большее число россиян предполагают, что у нас просто не остается иного выхода». При этом, по его данным, 27% респондентов были за ввод миротворцев, а 33% считали, что делать этого нельзя ни при каких условиях. Остальные 40% «ситуационно» определяют свою позицию [Фёдоров, 2014]. Сразу после присоединения Крыма в марте 2014 г. на вопрос Левада-центра о возможной судьбе Восточной Украины 48% говорили, что ее надо присоединять к России. К июлю 2015 г. таких осталось 15%, преобладающим стало мнение, что восток Украины должен оставаться независимым [Волков, 2015 а].

Менялась и оценка российским обществом событий в Украине. К осени 2015 г. россияне всё реже определяли ситуацию в соседней стране как гражданскую войну (50% – в январе 2015 г., 36% – в сентябре 2015 г.). Уменьшилось число тех, кто считал, что в стране господствуют террор и геноцид (с 17 до 6%, соответственно). Тем не менее заметна была доля тех, кто характеризовал ситуацию как «развал страны» и «полную дестабилизацию» (18%). Каждый шестой (17%) полагал, что в Украине сейчас анархия и бандитизм. При этом немало было тех, кто затруднялся с оценками (12%) [Куда идет., 2015]. Комментируя результаты исследования, В.В. Фёдоров отмечал: «Прекращение перестрелок и бомбардировок в Донбассе снижают внимание россиян к ситуации в этом регионе. Наше общество всё больше устает от украинских новостей, интерес к ним падает, переключаясь на другие темы. Однако перспектив урегулирования конфликта, как и общего улучшения ситуации в братской стране, россияне не видят. В таких условиях наименьшим из зол представляется “замораживание конфликта” без перспектив его быстрого разрешения» [Куда идет., 2015]. В тон ему звучало мнение Дениса Волкова: «Люди видят конфликт и понимают, что он достаточно сложный, и сложно будет примирять эти две части» [Волков, 2015 а].

«Для большинства в России происходящее в соседней стране представляется исключительно внутривосточным конфликтом», – утверждает Денис Волков в статье, опубликованной на сайте Фонда Карнеги в августе 2015 г. [Волков, 2015 б]. Лишь около четверти российского населения считает, что между Россией и Украиной идет война, тогда как 65–70% это отрицают. Поэтому логично, что на вопрос, присутствуют ли сейчас на Украине российские войска, только 26% ответили положительно, 52 – отрицательно, 22% затруднились ответить [События на востоке., 2015]. Невелико число наших сограждан, кто уверен, что на стороне ополченцев вообще не воюют российские граждане (11%). При этом большинство считают, что это добровольцы (48%) или наемники (24%), но не российские военные. К добровольцам, воюющим на стороне ополченцев, наши сограждане в большинстве своем относятся положительно. Однако за минувший год доля тех, кто одобряет их участие в конфликте на востоке Украины, снизилась с 64 до 53%, а неодобряющих возросла с 19 до 27%. Однако отправить

своего сына или близкого родственника на эту войну готовы лишь 13% респондентов, а 68% постарались бы отговорить его от такого шага [Волков, 2015 б].

Вероятность войны России с Украиной российское население оценивает невысоко, во всяком случае, по данным Левада-центра, на апрель 2015 г. лишь у 11% опрошенных присутствовали «большие опасения» того, что столкновения на востоке Украине могут перерасти в войну между соседними государствами. Большинство россиян не считали такой сценарий вероятным: 48% рассматривали его как маловероятный, 14 – как совершенно исключенный. Только 4% россиян говорили о неизбежности войны. «Представления о войне циркулируют в общественном сознании скорее на эмоциональном уровне – опасениях и страхе, которые подогреваются ТВ-картинкой.., нежели на рациональных основаниях и реальных ожиданиях войны», – заключают эксперты Левада-центра [Российско-украинские отношения.., 2015 а].

«Отказ от установок “общего будущего” демонстрировался и в нежелании россиян каким-либо образом вовлекать страну в войну (ввод войск). Они предпочитают ограничиваться дипломатической и материальной (гуманитарные грузы) поддержкой восточным областям Украины», – считали эксперты Левада-центра в сентябре 2015 г. [Российско-украинские отношения.., 2015 б]. Летом 2014 г. четверть россиян поддерживала введение российских войск на территорию юго-востока Украины для прекращения конфликта. Среди поводов, которые могли бы вынудить ввести войска, были названы следующие: если будут продолжать гибнуть мирные жители на Украине (18%), возникнет угроза террористических актов на территории Российского государства (18%), продолжатся нападения на наши КПП на российско-украинской границе (18%). Треть респондентов (33%) отметила, что нашей стране не следует этого делать ни при каких условиях [Гражданская война.., 2014]. Д.А. Волков полагает, что анализ данных опросов по украинской теме за последние полтора года указывает на то, что «абсолютное большинство россиян настроены на невмешательство в чужие дела и против войны. Но умелая пропаганда и стремление к информационному комфорту помогают им совместить это настроение с поддержкой “помощи своим”» [Волков, 2015 б].

Что касается причин нынешнего конфликта на востоке Украины, большая часть опрошенных Левада-центром видит в нем результат вмешательства Запада (45% – июль 2015 г.) (по сравнению с летом 2014 г. эта точка зрения стала менее популярной); 27% считают его результатом националистической политики руководства Украины, 15 – протестом населения Восточной Украины против новой власти в Киеве и лишь 4% – результатом вмешательства России [События на востоке.., 2015]. В этом плане характерной чертой российского общественного мнения в отношении Украины Д.А. Волков называет «почти единогласное отрицание ответственности России» за произошедшие там события. «В качественных и количественных социологических исследованиях вырисовывается единый шаблон: “Россия не виновата”, “нас вынудили”, “мы защищаемся”. Интересным образом это перекликается со словами высоких российских функционеров: “Не мы это начали, начала другая сторона”» [Волков, 2015 б]. Социолог объясняет такое понимание происходящего в значительной степени влиянием государственных СМИ. Однако при всей «готовности» поддаться ему российская пропаганда основывалась в данном случае на глубинных установках российского массового сознания, сформировавшихся еще до украинского конфликта: недоверия к Западу, усиливавшемуся со второй половины 1990-х и закрепившемся к середине 2000-х, тоске по утраченному величию. «Последовавшая со стороны Запада критика России и санкции против нее в каком-то смысле сыграли на руку российской пропаганде: “Ну мы же говорили, что все происходящее – антироссийский западный проект”... Запад организовал украинский конфликт и заинтересован в его продолжении, он ввел санкции, чтобы “ослабить и унижить Россию”» [Волков, 2015 б]. В этом контексте украинские власти в восприятии россиян предстают марионетками Запада, в чем убеждена половина российского населения. «Иными словами, российское население (как и российская

власть) отказывалось признавать, что... украинцы могут самостоятельно выбрать себе политику и союзников» [Волков, 2015 б].

Одним из последствий решительной политики России в отношении к Украине и особенно присоединения Крыма стал рост популярности президента РФ. «Путина сейчас считают архитектором величия страны – именно он присоединил Крым, он принимал эти решения», – отмечал Д.А. Волков в интервью радиостанции «Коммерсантъ FM» [Волков, 2015 а]. Это тем более заметно, что, по оценкам социолога, к марту 2014 г. большая часть российского населения начала от Путина «уставать», и лишь 20% опрошенных однозначно поддерживали главу государства. Сразу после Крыма ситуация изменилась. В настоящее время большинство населения хотело бы видеть Путина следующим президентом. Для россиян обоснованием политики Путина на Украине является то, что она стала «реакцией на расширение НАТО» (в этом уверена половина населения страны) и «на угрозу русскоязычному населению Донбасса» (44%) [Волков, 2015 б].

Еще одним результатом украинских событий для российского общества стал рост ощущения собственной национальной значимости. Вначале национальная гордость «удовлетворялась» присоединением Крыма. Когда к концу 2014 г. радость от этого события несколько утихла, замечает Д.А. Волков, «доказательством значимости страны на международной арене становится продолжающееся противостояние с Западом, взаимные санкции и обвинения. Нас не любят, боятся, пытаются ослабить, значит, принимают всерьез» [Волков, 2015 б].

Украинский конфликт свидетельствовал о том, насколько российское общественное мнение зависит от пропаганды, особенно телевидения. Вектор пропаганде задавала власть, у которой для этого свои мотивы: дискредитация Майдана в глазах российских граждан, часть которых совсем недавно сама выходила протестовать на улицы; повышение собственного престижа путем представления себя защитником страны, а своих противников – орудиями внешних сил; инструментализация антизападных настроений. Многих из поставленных целей она добилась. «Политический протест в России сегодня для многих ассоциируется с хаосом, разрушениями, гибелью людей, которые последовали за победой украинского протеста», – отмечает Д.А. Волков [Волков, 2015 б].

Александр Гушин (политолог, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, РГГУ) в статье «Образ Украины в современных российских СМИ и публицистике в контексте российско-украинского кризиса» [Гушин, 2015] прослеживает формирование российскими СМИ образа Украины. Он отмечает, что украинский кризис 2014 г. не только коренным образом изменил отношения России и Украины и оказал негативное воздействие на отношения между ведущими мировыми государствами, но и серьезно повлиял на «внутреннее развитие России и Украины, на восприятие друг друга, самоидентификацию в современном мире, оценку событий прошлого» [там же, с. 1]. Тема идентификации страны, трактовка событий прошлого и настоящего Украины, образов друг друга стали показателем глубоких расхождений в отношении к ним двух стран.

Ярким примером формирования образа истории Украины в России А.В. Гушин называет показанный в январе 2015 г. по каналу «Россия 24» фильм «Проект Украина», сформулировавший основные идеологемы относительно истории ближайшего соседа. Основная из них – искусственность украинской государственности. В фильме акцентируется, что «в позднее Средневековье и раннее Новое время понятия Украина не было, а московофильское движение, которое... существовало на территории украинских земель, входящих в состав Австро-Венгерской монархии, было подавлено искусственно возвращенным австрийцами украинофильством, которое имело своей целью стать противовесом польскому и русскому влиянию в регионе. Современная же Украина также находится под мощным влиянием западноукраинских идей, галицийской идеологии, которая имеет мало общего с ментальностью жителей Центральной Украины и тем более Востока и Юга страны» [Гушин, 2015, с. 1]. Из этого следует вывод о

невозможности самостоятельной украинской государственности без союза с Россией, иначе страна подпадет под влияние галицийского национализма, что опасно не только для России, но и для самой Украины.

Подобные тенденции восприятия украинской истории всплывали, хотя и не так часто, в постсоветский период и до нынешних событий, замечает А.В. Гуцин, являясь «реакцией на пересмотр национальной истории в самой Украине, что болезненно воспринималось в российском обществе и российской элите» [Гуцин, 2015, с. 1]. Автор считает, что подобная интерпретация украинской истории является сегодня важной составной частью образа современной Украины в России. Отчасти это объясняется, по его мнению, недостатком сотрудничества ученых обеих стран в постсоветский период, в результате чего «российское общество вынуждено потреблять информационный продукт, далекий от объективных подходов, что, кстати, характерно и для современной Украины, в которой за последние годы попытки новых интерпретаций истории принимали порой гротескные формы» [там же, с. 1].

Поворотным моментом в изменении образа Украины в России стал 2014 г. Первоначально митинги на Майдане в конце 2013 г. в ответ на отказ В. Януковича подписать в Вильнюсе соглашение об ассоциации с ЕС воспринимались как ограниченный молодежный протест. Последовавшие за их разгоном события стали преподноситься как действия радикалов, идейных наследников Бандеры, а также как протесты против коррупции. Надежды сторонников Майдана относительно вхождения Украины в Европу трактовались как наивные и объяснялись «промывкой мозгов и пропагандистской кампанией Запада, который, являясь режиссером Майдана (прежде всего США), делал всё, для того чтобы сформировать ложные представления о будущем у украинцев» [Гуцин, 2015, с. 1]. Янукович после победы Майдана и бегства «воспринимался не просто как изгнанный президент, но как лидер, неспособный принять жесткое решение, потерявший контроль над страной» [там же, с. 1].

Характерна лексика, которая первоначально (до президентских выборов в Украине и вынужденного их признания Россией) применялась в отношении новой власти в Киеве, отмечает А.В. Гуцин. Сама власть ассоциировалась с понятием «хунты», а ее приверженцев называли «фашистами». Внушалось представление, что «реальная власть в Украине захвачена радикалами...», а А. Яценюк и А. Турчинов, с одной стороны, слишком слабы, чтобы контролировать страну, а с другой – сами являются ставленниками геополитических соперников России...» [Гуцин, 2015, с. 2].

Украинские события в этот период были темой номер один для российских СМИ, и они тесно увязывались с присоединением Крыма. В данном контексте образ Крыма – «это образ территории, которая ввиду проживания там значительного числа русских не приняла Майдан и, ожидая репрессий со стороны новых властей, пожелала воссоединиться с Россией. Россия же рассматривается как сторона, которая была несправедливо лишена Крыма авантюристичным поступком Н.С. Хрущева, в то время как вся история свидетельствует о том, что Крым – не только одна из колыбелей российской цивилизации, но земля, политая кровью русских...», которая по праву принадлежит именно России» [Гуцин, 2015, с. 2]. Современная Россия трактовалась в данном случае как наследница и преемница Российской империи. Соответственно, присоединение Крыма для большинства россиян означало возвращение потерянной не по своей воле территории, т.е. торжество исторической справедливости.

Если образ Крыма в представлении россиян статичен, то восприятие юго-восточных регионов Украины на протяжении украинского кризиса менялось. Когда начались события на юго-востоке, «идея Большой Новороссии главенствовала в общественно-политическом дискурсе, на ТВ и в прессе выступали идеологи новороссийского проекта, которые формировали представления о том, что 8–9 областей Украины собственно Украиной в том смысле слова, в каком ее понимают в Киеве, не являются», – указывает А.В. Гуцин [Гуцин, 2015, с. 2]. Муссировались ожидания, что в связи с неприятием новой власти они в ближайшее время

решат отделиться от Украины. Именно через эту призму были восприняты события в Одессе. Однако трактовка СМИ изменилась после введения санкций, ухудшения отношений с Западом, а также в связи с тем, что протестное движение в ряде областей не вышло на ожидаемый уровень. Присутствовало мнение, что Россия «упустила благоприятное время для решения вопроса быстро и эффективно в свою пользу» [там же, с. 2]. В любом случае Юго-Восток трактуется как «регион русского мира», «часть общего с Россией духовного и ментального пространства, которую Россия не может оставить в беде» [Гущин, 2015, с. 3].

Нынешняя украинская власть подается как жестокая (частые упоминания о карательных операциях), систематически нарушающая Минские соглашения. «За исключением отдельных экспертов либерального крыла, общественное мнение находится под очевидным влиянием той пропагандистской линии, которая определяет ее как власть, с одной стороны, олигархата, а с другой – ставленников США...» [Гущин, 2015, с. 3].

Другой темой, обсуждавшейся в связи с украинскими событиями, стала федерализация, преподносившаяся исходя из якобы незрелости и искусственности украинского государства, а также культурной разнородности ее регионов как единственная возможная форма государственности. «Украина воспринимается как дезинтегрированное государство, с высоким риском распада, как в силу исторических региональных различий, так и в силу неспособности нынешней власти осуществлять реформы» [Гущин, 2015, с. 3].

Важной составляющей образа Украины в России стала тема экономического кризиса в стране, ее экономической недееспособности. По контрасту Юго-Восток определяется как экономически сильный регион: «Донбасс кормил Украину». Телезрителя подводят к мысли, что Запад, устроив переворот на Украине, не проявляет большой готовности помогать ей экономически, как это могла бы делать Россия в случае вхождения Украины в пророссийские интеграционные структуры.

Выстраивание образа Украины, отмечает А.В. Гущин, подвержено определенной эволюции. Это касается прежде всего отношения к украинским властям. Если весной 2014 г. их называли «узурпаторами», то сегодня все же воспринимают как власть, пусть и выдвинувшуюся посредством переворота. Также оставлено предположение о том, что народ Украины восстанет против новой власти, чтобы быть ближе к России. Зато постоянно обсуждаются неудачи украинской власти в экономической и социальной областях. Наконец, к концу 2014 г. тема Большой Новороссии сошла на нет. В свою очередь тема Крыма выведена из украинской проблематики и теперь рассматривается лишь в контексте внутренних проблем России.

В заключение российский политолог подчеркивает, что украинский кризис оказал негативное влияние на образ Украины, сложившийся в России. Произошло оформление и укрепление существовавших ранее идеологем. Эксперт опасается, что последствия недавних событий еще долго будут сказываться на отношениях двух стран.

Автор также обращает внимание на неоднозначный механизм формирования образа Украины и его последствия: с одной стороны, «российские СМИ строго следовали официальной позиции Москвы и оказали колоссальное влияние на формирование негативного представления об Украине в России, с другой стороны, информационная кампания сама стала оказывать косвенное влияние на принятие решений в Москве, украинский вопрос стал, по сути, и вопросом внутривнутриполитическим для России» [Гущин, 2015, с. 3]. В связи с этим выдвигается предположение, что формирование образа Украины остается в России актуальной задачей властей, с тем чтобы отвлекать внимание российского общества от экономических и других острых проблем.

Список литературы

Волков Д.А. «Мы наблюдаем новое состояние российского общества». Интервью А. Кузичеву (Программа «Действующие лица») // Коммерсантъ FM. – 2015 а. – 20.07. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2768784> (Дата обращения – 28.10.2015).

Волков Д.А. Российская социология украинского конфликта: Вмешиваться не надо, но все правильно сделали / Московский центр Карнеги. – 2015 б. – 26.08. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2015/08/26/ru-61007/5q> (Дата обращения – 21.09.2015).

Горбачев А. Россияне отделяют Киев от украинцев // Независимая газ. – № 123(6454). – 2015. – 22.06. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-06-22/3_kiev.html (Дата обращения – 29.10.2015).

Гражданская война на Украине: Мысли, чувства, эмоции россиян / ВЦИОМ. Пресс-выпуск. – 2014. – 31.07, № 2638. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114917> (Дата обращения – 28.10.2015).

Гущин А.В. Образ Украины в современных российских СМИ и публицистике в контексте российско-украинского кризиса / Regional dialogue: [Сайт]. – 2015. – 20.02. – Режим доступа: <http://regional-dialogue.com/articles/analytics/image-of-ukraine/> (Дата обращения – 11.11.2015).

Куда идет Украина? / ВЦИОМ. Пресс-выпуск. – 2015. – 15.09, № 2931. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115391> (Дата обращения – 28.10.2015).

Монина Л. Народная геополитика России // Новости Украины From-UA.com: [Сайт]. – 2013. – 31.01. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/articles/258973-narodnaya-geopolitika-rossii.html> (Дата обращения – 02.11.2015).

Российско-украинские отношения в зеркале общественного мнения // Левада-центр. Пресс-выпуск. – 2015 а. – 22.06. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/old/22-06-2015/rossiisko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya> (Дата обращения – 28.10.2015).

Российско-украинские отношения в зеркале общественного мнения: Сентябрь 2015 // Левада-центр. Пресс-выпуск. – 2015 б. – 05.10. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/10/05/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya-sentyabr-2015/> (Дата обращения – 29.10.2015).

События на востоке Украины: Внимание и участие России // Левада-центр. Пресс-выпуск. – 2015. – 28.07. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/28-07-2015/sobytiya-na-vostoке-ukrainy-vnimanie-i-uchastie-rossii> (Дата обращения – 29.10.2015).

Фёдоров В.В. «События на Украине мы воспринимаем очень лично» [Интервью] // Газета Культура. – М., 2014. – № 25. – 18–24 июля. – С. 5.

Франция: взгляд из России

Н.Ю. Лапина

Аннотация. В статье рассматривается, как на протяжении истории формировались и менялись представления россиян о Франции. Применительно к современному российскому обществу анализируется восприятие Франции в повседневной жизни, политический образ страны, а также конфликты, возникающие на ценностной почве.

Abstract. This article examines how the attitude of Russians towards France was forming and changing during long historical period. With regard to the contemporary Russian society the paper also investigates perceptions of France in everyday life, the political image of the country as well as the conflicts arising from the values priorities.

Ключевые слова : Франция, Россия, история, французская культура, французский язык, галломания, культурная модель, традиционные ценности.

Keywords: France, Russia, history, French culture, French language, Gallomania, culture pattern, traditional values.

Как на протяжении истории формировались и менялись представления россиян о Франции? Нас интересовало, как Франция воспринималась и воспринимается в России в качестве культурной и политической модели, что думают о Франции и французах рядовые россияне.

В статье использованы интервью, проведенные автором в 2013–2015 гг. с российскими экспертами – политологами, историками, а также рядовыми россиянами, в том числе молодыми людьми – студентами и магистрантами, обучающимися во французских высших учебных заведениях¹⁷.

К истории вопроса

Чаще всего, когда речь заходит об истории российско-французских отношений, вспоминается киевская княжна Анна Ярославовна, в 1051 г. вышедшая замуж за французского короля Генриха I. С XI в. вплоть до царствования Петра I упоминания о Франции и французах в русских источниках немногочисленны. Известно, что небольшая французская колония проживала в XVII в. в Москве на улицах Покровка и Ильинка. В середине XVII в. некрещенные по православному обряду иноземцы, их всех тогда именовали «немцами», были переселены за город в Немецкую слободу (Лефортово). Поводом послужила жалоба московских жителей, заявивших, что «немцы» нелегально содержат неправославные домовые церкви и нарушают сложившиеся жизненные устои [Можаев, 2015, с. 524].

Устойчивый интерес к Франции возник в России в XVIII в. Первым русским, оставившим свидетельства о своем пребывании во Франции, стал посол России в Голландии А.А. Матвеев, направленный Петром I во Францию с дипломатической миссией (1705–1706). Его «Записки» являются первой русской книгой о Франции, где предложен институциональный и эстетический взгляд на страну. Их автора, человека незаурядного, интересовало во Франции буквально всё: государственное устройство и функционирование административного аппарата; градостроительство и фортификация; организация армии и система образования. Матвеев не скрывал своего восхищения Парижем. «Город Париж, – писал он в письме от 25 сентября 1705 г., – нашел я втрое больше Амстердама и людства множество в нем неописанное, и народа убор и забаву в веселии их несказанную» [Матвеев, 1972, с. 243]. Матвеев описывал многоликий город, особое внимание уделяя его большим площадям, соборам, великолепным дворцам. Его

¹⁷ Выдержки из интервью в тексте приведены в кавычках и курсивом. – Н.Л.

поразил Лувр с «дивной» и «чрезвычайной» каменной резьбой, Тюильри, дворцы Версаль и Фонтенбло с окружающими их парками.

Матвеев писал «Записки», когда институты новой России еще не были созданы. Не случайно его привлекал опыт, который мог использоваться в его стране. Он посетил и подробно описал созданные Ришелье Французскую академию, Академию наук, Академию надписей и Академию изящных искусств. Русский посол не сомневался: прогресс французской науки, искусств, совершенствование языка стали результатом деятельности этих учреждений. Побывал Матвеев и в королевском кабинете редкостей в Лувре, где была собрана коллекция живописи, работы известных итальянских, французских, голландских мастеров. Его интересовала система французского образования, а воспитанию молодых людей – юношей и девушек благородного происхождения – он посвятил отдельную главу «Записок». Многие из того, что привлекало внимание русского посла во Франции, в скором времени появилось в России: в 1714 г. был учрежден первый русский музей – Кунсткамера, в 1724 г. основана Петербургская академия наук. Матвеев был первым русским, описавшим и попытавшимся понять Францию.

А в 1717 г. во Францию приехал сам русский царь. Петра I интересовала Франция, ставшая в годы правления Людовика XIV самым крупным и влиятельным государством Европы. Его визит преследовал военно-дипломатические цели: русский царь рассчитывал обрести в лице Франции союзника в борьбе со Швецией. Был у него и замысел заключения династического брака, который связал бы Россию и Францию.

Петра I интересовали инженерные достижения, градостроительство, строительство шлюзов, каналов, портов [Мезин, 2003]. Любопытный царь посетил Королевскую типографию, учебное заведение для благородных девиц, Королевскую библиотеку, прославленные художественно-промышленные предприятия столицы. Осмотрев мануфактуру Гобеленов, решил основать такую же в Петербурге. Царь выписал в Россию французских мастеров-ремесленников, которыми, как писал В.О. Ключевский, он «особенно дорожил» [Ключевский, 1989, с. 101].

Во второй половине XVIII в. французская культура начала широко распространяться в России. В 1752–1753 гг. была издана первая в России двуязычная грамматика французского языка. На французском языке начали говорить в русских дворянских семьях. В годы правления Елизаветы Петровны французский стал языком императорского двора, а при Екатерине II – языком дипломатической службы. Это позволило русскому дворянству интегрироваться в европейское светское общество. Французы поступали на государственную службу. В Санкт-Петербурге и Москве открывались французские модные магазины и рестораны. В аристократических домах входило в моду держать собственного повара-француза.

В России создавался свой «французский мир». Носителями французской культуры были французы-губернаторы [Ржеуцкий, 2011], приезжавшие в Россию специалисты, торговцы, художники, архитекторы. Кто-то из них нашел здесь убежище в годы Французской революции 1789 г. «Французский мир» обогащался не только жившими в России французами [Полякова, 2011]. Его частью становились русские, воспитанные на французской культуре, владеющие языком, хорошо знающие литературу.

С конца XVIII в. представители русского дворянства получили возможность познакомиться с Францией. Особый интерес в этой связи представляют путевые заметки и корреспонденция русских писателей, посещавших Францию в XVIII–XX вв. Русское образованное общество было *пропитано* французской культурой. Но это вовсе не означало, что все русские положительно воспринимали Францию. В русской культурной традиции сложились диаметрально противоположные оценки Франции и французов.

Было и восхищение страной. Париж притягивал мощной энергетикой, а французы прославленным умением жить. Именно так вначале воспринимал Францию писатель и историк Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». В «Письмах» мы находим разно-

образные сведения о стране, описание Парижа, «первого города в свете, столицы великолепия и волшебства» [Кармзин, 1964, с. 373]. Писателю пришлось по душе веселый нрав французов, «острота», на которую обратил внимание еще А.А. Матвеев. «Скажу: огонь, воздух – и характер французов описан. Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее», – замечал Н.М. Карамзин [Кармзин, 1964, с. 506]. Вместе с тем не без грустного юмора писал он о концентрации французов на самих себе, их слабом интересе к внешнему миру. Писателя мало интересовали парижские салоны. Его привлекали театральные постановки, встречи с интеллектуалами, людьми науки. Во Французской академии он беседовал с П.-Ш. Левеком, автором «Русской истории». Возможно, под влиянием этих встреч позже у Карамзина возникнет мысль написать «Историю государства Российского».

Пребывание Карамзина в Париже отнюдь не было занимательной прогулкой иностранца. Молодой человек оказался в столице Франции в самом начале революции, его интересовали политические события, захлестнувшие страну. Карамзин встречался с политическими деятелями, присутствовал на дебатах в Национальном собрании, восхищался речами Мирабо и его оппонентов. Путешествуя по Франции, писатель постоянно в своих мыслях возвращался в Россию. Он сравнивал ее с европейскими странами и приходил к однозначному выводу: будущее России – это тот путь, который уже прошли другие европейские народы.

Часть соотечественников особенно привлекали удобство и комфорт, которые они нашли во Франции. П.А. Вяземского, побывавшего в Париже в 1838 г., французская столица с ее увеселениями, театрами, зваными вечерами привлекла, но «не обворожила». «Хотя многое нравится, – писал он друзьям. – На всякий вопрос есть ответ, на всякое требование удовлетворение. Чувствуешь, что здесь можно жить, как хочешь. Это петербургский английский магазин образованной жизни» [цит. по: Жилище славных..., 1989, с. 281].

Однако для некоторых русских литераторов Франция оставалась чуждой и совсем не привлекательной. Д.И. Фонвизина шокировала грязь на улицах французских городов. «Господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем», – писал он в письмах к сестре [Фонвизин, 1946, с. 218]. Возмутили писателя свобода нравов и «бесчинство», которым предаются в Париже представители высшего света и многочисленные иностранцы. «Я думаю, – писал он, – если отец не хочет погубить своего сына, то не должен посылать его сюда ранее двадцати пяти лет... Сей город есть истинная зараза, которая молодого человека не умерщвляет физически, но делает его навек шалуном и ни к чему не способным» [цит. по: Жилище славных..., 1989, с. 113]. Фонвизин сетовал на невежество французов, притом что они «считают себя за первую в свете нацию». Занимательны его рассуждения, что во Франции мужчины «имеют одну наружность, а больше ничего», а «женский пол гораздо умнее мужского» [Фонвизин, 1946, с. 230–231].

Многие русские отождествляли Францию с революцией и во французах видели «природных бунтарей», готовых устроить очередной бунт [Garcia, Gauthier, 2005, с. 45]. Русских аристократов раздражали во французах независимость, уважение к себе, наличие собственного мнения и готовность его защищать. В этих чертах национального характера они усматривали «разлагающее» воздействие революции на нравы народа.

В 1860-е годы путевые заметки и дневники стали в России модным литературным жанром. В 1862 г. Францию посетил Ф.М. Достоевский. Тогда же ему и было предложено написать заметки о путешествии. По форме «Зимние заметки о летних впечатлениях» являются путевыми записками, по сути – острым памфлетом. Франция видится Достоевскому «родником и зародышем той буржуазной общественной формы, которая царит теперь по всему свету в виде вечного подражания великой нации» [Достоевский, 1989, с. 444], а Париж – городом, в котором царствует дух буржуазии. От других крупных городов, где бедность и страдание видны невооруженным взглядом, Париж отличает то, что «зловещие явления» здесь скрыты, чтобы не тревожить мирную жизнь буржуа [там же, с. 422]. Другая особенность – во Франции все,

включая работников и крестьян, мечтают стать буржуа. С этим писатель связывал антипатичные ему черты французского национального характера: индивидуализм, расчетливость, лицемерие [там же, с. 430].

Описывая французскую жизнь и французов, Достоевский, как и многие до него, размышлял о судьбах России как страны, европеизированной «сверху» по воле своих правителей. Характер француза за столетия истории сформировался и приобрел определенные черты. В отличие от него, русский национальный характер представлялся Достоевскому размытым, несложившимся. Заметки о Франции служили ему основанием для критики «западничества»: писателя тревожило, что русские «не любят свое» и преклоняются перед европейской культурой [Достоевский, 1989, с. 445–446]. Российское «европейство», отмечал он в духе славянофилов, чисто внешнее, «показное», так как русская жизнь остается патриархальной [Достоевский, 1989, с. 401].

С воодушевлением писал в письмах о своей парижской жизни Л.Н. Толстой: «Я живу всё в Париже вот уже скоро два месяца и не предвижу того времени, когда этот город потеряет для меня интерес, и эта жизнь свою прелесть» [цит. по: Гусев, 1957, с. 190]. «Наслаждение искусствами» – лекции в Collège de France и Сорбонне, посещение Лувра, музеев и выставок, концерты – обо всём этом Толстой повествует с нескрываемым восхищением. Но все эти преимущества и очевидные достоинства не мешали ему заметить: «поэзии в этом народе il n'y a pas» (не существует) [цит. по: Гусев, 1957, с. 174].

Н.В. Гоголь Францию не любил. В повести «Рим» он дал убийственную характеристику французскому национальному характеру, который он противопоставлял итальянскому: «При всех своих блестящих чертах, при благородных порывах, при рыцарских вспышках, вся нация была что-то бледное, несовершенное, легкий водевиль, ею же порожденный. Не почил на ней величественно-степенная идея» [Гоголь, 1938, с. 228]. Погруженного в историко-мистический поиск русского писателя мало интересовали подлинные черты французского характера.

А.М. Горький сравнивал Францию с увядшей женщиной, а для А. Блока Париж был грандиозным городом «без души». Русским претила самодостаточность французов, их самоуверенность, отсутствие интереса к другим странам и народам. Французы, писал И.С. Тургенев, сосредоточены на себе и «не признают ничего, что было бы нефранцузским» [цит. по: Garcia, Gauthier, 2005, с. 114]. Присущее французскому характеру сочетание расчетливости, выгоды и романтизма далеко не всегда принималось русскими. Было также у русских, хорошо знавших Францию и французскую культуру, понимание того, что, несмотря на кажущуюся близость, между двумя странами существует огромная дистанция. «Франция чужая» – таков неожиданный, на первый взгляд, вывод М.И. Цветаевой [Цветаева, 1984, с. 232].

Как объяснить столь контрастные представления о Франции и французах, сложившиеся в русском обществе? Советский писатель И.Г. Эренбург, хорошо знавший Францию, писал в этой связи: «К Франции тяготели писатели, любившие социальное начало, справедливость, точность, яркость красочных восприятий» [Эренбург, 1958, с. 40]. Есть и объяснения идейно-политического свойства. Западники высоко ценили Европу, полагая, что европейский опыт может и должен стать моделью для России. Славянофилам Россия представлялась особой цивилизацией, ей был предназначен особый путь развития. Они критиковали Францию за индивидуализм и неуважение молодого поколения к старшим.

Французские исследователи А. Гарсиа и И. Готье, авторы книги «Воздух и огонь», предлагают свою версию неприятия французов русскими. На их взгляд, «это была естественная реакция на захлестнувшую (российское общество) галломанию». А также обычная зависть «к старшей сестре, которая лучше преуспела в жизни, живет в комфортабельных и цивилизованных условиях» [Garcia, Gauthier, 2005, с. 12].

Для Франции и России XIX в. был насыщен трагическими событиями: нашествие Наполеона, взятие французами Москвы и пожар столицы (1812), взятие Парижа войсками союз-

ников (1814), Крымская война. Несмотря на войны, русские не испытывали к французам ненависти. И чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «Севастопольским рассказам» Л.Н. Толстого, удивительному свидетельству не только кровавых ужасов войны, но и глубины и искренности человеческих отношений.

В конце XIX в. произошло политическое сближение России и Франции. Военно-политический союз (1893) способствовал развитию культурных связей и научному обмену между двумя странами. Студенты из России поступали во французские университеты, ученые стажировались во французских научных центрах. С конца XIX – начала XX в. русские писатели и художники с энтузиазмом и восхищением приняли Францию и Париж – город, в котором «выплавались» новые формы искусства, рождались авангардные течения.

И.А. Бунин, молодой А.Н. Толстой, многие русские художники, скульпторы, поэты, режиссеры были увлечены Парижем. Пожалуй, никогда прежде русское общество не было столь открыто в отношении Франции. В мастерской А. Матисса училась М.И. Васильева, позже открывшая в Париже Русскую академию (1910 г., с 1912 г. – Свободная академия). Скульптор Л.С. Голубкина работала в мастерской О. Родена. В Париже обучались художники А.А. Экстер, Е.С. Кругликова, В.Э. Борисов-Мусатов, М.З. Шагал, Х.С. Сутин, скульпторы А.П. Архипенко и О.Е. Цадкин.

Со второй половины XVIII в. вплоть до революции 1917 г. Франция стала для многих образованных русских культурной моделью, а для представителей творческих профессий – источником вдохновения. Французский язык преподавался в гимназиях, его знание высоко ценилось в кругу образованной публики. На произведениях французских писателей было воспитано не одно поколение русской интеллигенции. Не случайно после 1917 г. во Францию хлынул поток русских эмигрантов, бежавших от коммунистического режима.

Советский период открыл новую страницу в восприятии Франции теперь уже в СССР. Это был первый и единственный момент в истории, когда Россия/СССР символически приблизилась к Франции, превратившись в страну – носительницу новых универсальных ценностей. Образ Франции, создаваемый официальными СМИ, был пронизан идеологией.

«Оттепель» вернула советским людям не только находившиеся под запретом произведения отечественного искусства, но приоткрыла железный занавес, сделав доступным западное искусство. Особенно этот прорыв наблюдался на французском направлении. *«В СССР, – отмечает участник исследования, – проводилась политика культурной селекции. США был врагом номер один. Мы видели очень мало американских фильмов, американские звезды не приезжали в СССР. Франция Ш. де Голля была стратегическим партнером СССР. Французская культура для нас была открыта».*

Под влиянием новых веяний в 1950-е годы в советском посольстве во Франции была создана служба, отвечавшая за культурный обмен между двумя странами. «Стремление деятелей культуры, представителей интеллигенции двух стран к общению друг с другом, жажда встреч, интерес к выставкам, гастролям были огромны», – позже писал посол СССР во Франции Ю.В. Дубинин [Дубинин, 1997, с. 34]. Большую роль в сближении двух стран сыграли общества дружбы «Франция – СССР» и «СССР – Франция».

В 1954 г. в Москве с огромным успехом прошли гастролы «Comédie Française». Два года спустя на гастролы приехал певец И. Монтан. Советские слушатели познакомились и с другими французскими шансонье: Ш. Азнавуром, Э. Пиаф (*«Трагический голос Пиаф потряс и остался в моем сердце на всю жизнь»*). Советская молодежь танцевала под музыку из фильма «Шербургские зонтики». По всей стране звучали песни С. Адамо, а песня Ж. Беко «Натали» стала настоящим шлягером в СССР. В музеях были выставлены ранее находившиеся в запасах произведения французских импрессионистов. В 1960-е годы журналы «Новый мир» и «Иностранная литература» публиковали переводы А. де Сент-Экзюпери, А. Камю, Н. Саррот, Ж.-П. Сартра. Читатели смогли оценить талант А. Моруа и Ф. Саган. Большой популярно-

стью в Советском Союзе пользовались французские фильмы. Наши зрители полюбили актеров французского кино: Ж. Маре, Ж. Гобена, М. Морган, С. Синьоре, Л. де Фюнеса, К. Денев. Многим запомнились фильмы «Набережная туманов», «Бабетта идет на войну», «Мужчина и женщина».

В советских школах 12% учащихся изучали французский язык в качестве иностранного. Важным событием, приблизившим Францию к СССР, стало решение советского правительства, направленное на улучшение изучения в СССР иностранных языков (Постановление Совмина от 27 мая 1961 г.). Сразу после его принятия в СССР появились школы с углубленным преподаванием иностранных языков. Во французских спецшколах ряд предметов преподавался на французском языке. Наряду с «обычными» детьми во французских спецшколах обучались дети советской номенклатуры, что свидетельствовало о предпочтениях советской элиты.

В 1960–1970-е годы галломания буквально захлестнула советское общество. Закрытость СССР еще больше усиливала любовь к Франции. И в этом смысле феномен «русского француза», описанный А. Макиным в романе «Французское завещание», не был единичным. *«Франция для России на протяжении столетий являлась культурным маяком»*, – замечает респондент. В конце советской эпохи это восприятие, утраченное после 1917 г., возродилось с новой силой. Вместе с тем образы Франции, складывавшиеся в советское время, отчасти были «книжным идеалом»: не имея возможности познакомиться с Францией, советские люди конструировали виртуальный образ страны, имевший мало общего с реальностью.

В 1991 г. Советский Союз перестал существовать, железный занавес рухнул. В новых исторических условиях Франция стала страной, открытой для наших сограждан. Однако открытость далеко не всегда является синонимом близости и тем более понимания *Другого*.

В повседневной жизни

Как только появилась такая возможность, поток туристов хлынул во Францию. Число российских туристов, посещающих Францию, неуклонно растет. В 2011 г. 14,7 млн россиян в качестве туристов выехали за границу, 600 тыс. из них посетили Францию [Sani, 2013]. За период с 2010 по 2013 г. число выезжающих во Францию российских туристовросло на 15% в год [Russie – Russia..., 2015].

Первые российские туристы путешествовали группами. Они хотели «прикоснуться к французской истории», с которой были знакомы по литературе и кино. Со временем интересы россиян диверсифицировались. В настоящее время получил развитие индивидуальный туризм. Молодые люди едут небольшими группами, самостоятельно составляют свой маршрут, стремясь «создать собственный образ Франции». Первоначально россияне стремились попасть в Париж, в последние годы вырос их интерес к французским регионам [Sani, 2013].

Россияне, как отмечает сотрудник французской туристической компании, – «любопытные, культурные туристы. Они знакомы с французской историей и литературой». И этому не стоит удивляться: в России издается большое число книг, посвященных Франции и Парижу. Популярностью пользуются книги российского писателя, живущего во Франции, Б.М. Носика «Прогулки по Парижу с Б. Носиком» (в 2-х томах), его же «Сен-Женевьев-де-Буа. Русский погост в предместье Парижа» и «Вокруг Парижа с Борисом Носиком» (в 2-х томах), «Повседневная жизнь современного Парижа» О.Ю. Семеновой, а также многочисленные переводные книги, посвященные повседневной жизни французов в различные исторические эпохи.

Граждане России не только стали больше путешествовать. С момента открытия границ состоятельные россияне устремились во Францию, где они приобретали собственность. В 1990-е годы в среде «новых русских» стало престижным иметь дом на Лазурном берегу. Если судить по французской прессе тех лет, складывалось впечатление, что волна «новых русских»

захлестывает юг Франции и они скупают всё, что только выставлено на продажу. В реальности на Лазурном берегу в настоящее время зарегистрировано 3 тыс. российских собственников.

Как наши соотечественники, побывавшие во Франции в качестве туристов, работающие или обучающиеся там, воспринимают Францию? Отношение к Франции во многом зависит от возраста. *«Молодое поколение, – отмечает респондентка, – обывательски настроено. У них нет нашего романтического отношения к стране».* Молодые люди в возрастной группе 22–30 лет не согласны с такой интерпретацией. *«Франция привлекает культурой, архитектурой, романтикой, модой, – говорит 25-летняя россиянка. – В искусстве она ассоциируется с литературой, живописью импрессионистов, русскими сезонами в Париже в начале XX в.».*

У молодых россиян свое видение культуры. Для них это не только произведения искусства, но и гастрономия, не только история, но и современное искусство, им нравится, что во Франции много центров актуального искусства. Их привлекают природное разнообразие страны, *«красота городов, в каждом из которых есть что-то свое», «маленькие кафе, где люди спокойно беседуют за чашкой кофе».* Им импонирует, как бережно во Франции относятся к историческим памятникам и заботятся о состоянии окружающей среды. наших соотечественников поражает креативность французов, их умение создавать новые культурно-исторические площадки. Одним из примеров является получившая распространение в последние полтора десятилетия во Франции инициатива создания «исторических деревень». *«Как французам удалось сохранить эти маленькие деревни?»* – изумляется участница опроса. Россия, на ее взгляд, должна была бы заимствовать этот опыт¹⁸. Вместе с тем нельзя сказать, что поездки, более близкое знакомство со страной радикально поменяли представления наших сограждан о Франции. Страна, как свидетельствуют интервью, продолжает ассоциироваться у россиян со стереотипными представлениями: высокой модой, парфюмерией, кулинарией, умением красиво жить.

В Москве уже не первый год действует общество «Искусство жить по-французски». Его основательница, француженка, организует семинары и мастер-классы, в ходе которых специалисты из Франции знакомят русскую публику с искусством этикета, декорацией дома, секретами французской кухни. Вначале общество объединяло 300 человек, преимущественно женщин, сегодня в нем более 3 тыс. человек. В основном это люди, любящие Францию, знающие французский язык (многие семинары проходят по-французски). Деятельность общества – яркое свидетельство того, что интерес к Франции в современной России сохраняется. Россияне, которых привлекает эта страна, стремятся внести «французский шарм» в свою повседневную жизнь.

Среди черт, присущих французам, участники опроса называли: «веселый нрав», «любовь к жизни», «шарм француженок». О французском «изяществе» и «легкости», «способности легко, с юмором относиться к непростым проблемам» пишет А. Рамов, сотрудник франко-российского аналитического центра «Обсерво» [Рамов, 2015].

В целом доброжелательный взгляд россиян отмечает, однако, стороны французской жизни, которые воспринимаются ими как негативные. Туристы из России, замечает сотрудник туристического агентства, были «шокированы» грязью на улицах Парижа, «зловонным» парижским метро, многих разочаровало загрязненное море на прославленных курортах Лазурного берега. Впервые попавшие во Францию россияне, особенно люди пожилого возраста, были *«неприятно поражены»* обилием в Париже и других городах Франции цветного населения и смешанных пар, *«для многих это было настоящим открытием».*

Чем объяснить негативные моменты в российском восприятии современной Франции? Можно говорить о плохом знании французской истории, и в частности ее колониального прошлого. Иначе россияне не были бы «шокированы» обилием цветного населения на улицах

¹⁸ В 2014 г. создана Ассоциация самых красивых деревень России. – Н.Л.

французских городов. Заметно, что люди остаются в системе привычных представлений советской эпохи: выходцы из Северной Африки и афрофранцуз для них «инородцы». Наши соотечественники говорят о них, как говорили бы у себя дома о выходцах с Кавказа, мигрантах из Средней Азии. Им неизвестно, что Франция – первое в мире государство-нация, объединившее людей вне зависимости от цвета кожи и расовой принадлежности.

Говоря о негативных сторонах французского характера, респонденты, особенно те, кто имеет опыт жизни во Франции, обращали внимание на «неприятные черты», «высокомерие» французов, их «самоуверенность». Не хотелось бы заострять внимание на негативных представлениях о французском национальном характере, тем более что нередко в этих характеристиках отражаются собственные проблемы тех, кто судит о Другом. При всей своей «самоуверенности», о которой говорили опрошенные нами россияне, французы всегда умели не презирать и ценить *Другого*. Не случайно Франция стала второй родиной для сотен тысяч русских людей. Именно здесь в XX в. возник удивительный «Русский мир», элементы которого сохраняются и по сей день.

Общественно-политический вектор

Важное место в структуре представлений занимает политический образ другой страны. Исторически Франция в России воспринималась через призму революции и революционного духа, свойственного ее народу. Интерпретации французской пассионарности в представлениях русских людей были диаметрально противоположными. Н.М. Карамзин, свидетель начала революции, писал: «Французская революция относится к таким явлениям, каковые определяют судьбы человечества на долгие годы. Открывается новая эпоха. Мне дано видеть ее» [Карамзин, 1964, с. 418]. Многие русские люди, и не только современники, эмоционально «прочувствовали» Французскую революцию, она вошла в их умы и сердца. «Мы также пережили Руссо и Робеспьера, как французы», – писал А.И. Герцен. Н.М. Карамзин не сдержал слез, услышав о смерти Робеспьера, а Герцен плакал, читая о казни Дантона [цит. по: Гордон, 2009, с. 19]. Есть, что вспомнить и автору этих строк. Студенткой Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова мне пришлось слушать курс «Истории Франции», который читал и по сей день читает профессор, д. и.н. В.П. Смирнов. На всю жизнь запомнились лекции, посвященные Французской революции 1789 г., казнь мадам Ролан, Дантона, Демулена...

В XX в. русские социал-демократы, а позже руководители первого Советского государства, не будучи франкофилами, с большим уважением отзывались о революционном прошлом Франции, страны, которая была для СССР родиной Великой французской революции. Большевики многое заимствовали из опыта Французской революции, и в частности, отмечает А.В. Гордон, использовали «ее террористический опыт» для оправдания репрессий в годы Гражданской войны. «В сознании победившей партии Октябрьская революция представлялась прямым продолжением Французской» [Гордон, 2009, с. 20]. А написание «Великая французская революция» с большой буквы, введенное советской историографией, было призвано подчеркнуть сопоставимость двух исторических событий.

В СССР в научных исследованиях внимание фокусировалось на темах революционного, рабочего и социалистического движения. День Парижской коммуны – 18 марта отмечался в Советском Союзе, а советские СМИ готовили к этому событию сюжеты, посвященные истории Франции. В 1989 г. в советской России широко отмечалось 200-летие Великой французской революции. Проводились научные colloquia, издавались книги историков и мемуарная литература. Пожалуй, это был последний всплеск внимания к Французской революции на государственном уровне.

С крушением социализма представления о революционной Франции отошли на второй план. Но это не значит, что в образе Франции, сложившемся в России, они полностью отсут-

ствуют. В современном мире тема «революций» и «массовых протестов» приобрела для россиян новое звучание, поскольку они в реальном времени сталкиваются с этой особенностью французской жизни. «Франция ассоциируется с красивыми городами, хорошей кухней, забастовками», – замечает молодая россиянка. Кто-то вспоминает, как попал в Париж в момент забастовки и вынужден был пешком ходить по городу. Некоторые опрошенные полагают, что «*умение защищать свои права*» – большое достоинство современных французов. «Во Франции, – отмечает писатель Д.В. Драгунский, – как нигде в Европе... сильна традиция массового политического участия, массовой мобилизации. Суверенное право народа восстать против дурного правительства – для французов не пустая декларация, а реальный инструмент давления общества на государство» [Драгунский, 2006]. Далеко не у всех россиян готовность французских трудящихся отстаивать свои требования вызывает понимание. Страна, парализованная забастовками, родина вечно протестующих профсоюзов – этот образ Франции, тиражируемый российскими СМИ, не вызывает симпатий наших сограждан.

Особая, часто упоминавшаяся в интервью тема, – «*горящие предместья*». Об этом говорили участники опроса, тема широко комментируется в российских СМИ. Так было осенью 2005 г., когда по Франции прокатились массовые беспорядки с грабежами и поджогами, в которых участвовали молодые люди, многие из них арабского происхождения. Так было и в ноябре 2011 г., когда случилась новая волна погромов, «накрывших» города Франции. В ряде случаев участники исследования буквально повторяли то, что слышали по радио или видели по телевидению: в предместьях Парижа и ряде других городов этнические группировки устанавливают свои порядки. Кто-то из респондентов стал свидетелем событий и отмечал: «*Цветная молодежь представляет опасность для туристов*». Из всего этого формулировали урок для России: нельзя, дескать, пускать в свою страну в большом количестве инородцев-иноверцев.

Политические образы формируются под влиянием исторического прошлого и отношений, складывавшихся между странами. В послевоенные годы Франция Ш. де Голля превратилась в партнера СССР на международной арене, своеобразный «мост», соединивший восток и запад Европы. «Москве импонировали “антиамериканизм” де Голля и его стремление сковать растущую мощь ФРГ», – пишет Е.О. Обичкина [Обичкина, 2012, с. 139]. Другим фактором, сблизившим две страны, было существование мощной Французской коммунистической партии, которая пользовалась особым расположением советского руководства. На протяжении десятилетий эти обстоятельства определяли тональность отношений двух стран и, в частности, то, как в советской России относились к Франции.

В постсоветский период во взаимодействии между двумя странами, как и в советский период, преобладали двусторонние отношения. В 1992 г. между РФ и Францией был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве. В 1996 г. была утверждена двусторонняя Комиссия по проблемам экономического и научно-технического сотрудничества под председательством премьер-министров двух стран.

Восприятие российским политическим классом Франции во многом стало зеркальным отражением отношения их французских коллег к России. В 1990-е годы французский истеблишмент не скрывал своей заинтересованности в тесных отношениях с новой Россией. В отношениях между двумя странами период с 1995 по 1999 г. принято называть временем «привилегированного партнерства». При поддержке президента Франции Ж. Ширака РФ вступила во Всемирную торговую организацию и в Парижский клуб кредиторов.

При Б.Н. Ельцине российская элита была ориентирована на Запад и открыто демонстрировала свои внешнеполитические симпатии. В 1990-е годы получили развитие отношения между парламентами двух стран. В рамках программы ТАСИС группы российско-французской и франко-российской дружбы в ГД, Совете Федерации РФ, Национальном собрании и Сенате Франции проводили многочисленные семинары и конференции. Сотрудники аппарата Национального собрания Франции делились опытом с российскими коллегами. В насто-

ящее время многие направления деятельности из-за отсутствия финансирования и взаимной заинтересованности прекращены. *«Остались лишь дружеские футбольные матчи»*, – с грустью констатирует респондент. В 2000-е годы интерес к России во французском политическом классе сменился критическим отношением к российскому руководству. Со своей стороны российские элиты отказались от роли «младшего» партнера в международных отношениях и сделали ставку на державный курс внешней политики.

В 2007 г. президентом Франции был избран Н. Саркози. Отношения, сложившиеся между Н. Саркози и Д.А. Медведевым, по оценке газеты «Ведомости», «были гармоничными» [Проскурина, 2012]. В России позитивно восприняли посредничество французского президента в урегулировании российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. и его усилия, направленные на то, чтобы не допустить введения западных санкций против России. В эти напряженные месяцы между Н. Саркози и В.В. Путиным сложилось взаимное доверие («Я доверяю Путину. Я его уважаю», – скажет позже Н. Саркози) [Nicolas Sarkozy..., 2015].

Весной 2012 г. российская пресса внимательно следила за тем, как разворачивалась президентская избирательная кампания во Франции. Журналисты знакомили российскую публику с претендентами на президентский пост, их программами, мнением ведущих французских экспертов. Основное внимание уделялось действующему президенту Н. Саркози и его основному сопернику Ф. Олланду, лидеру Французской социалистической партии.

Объясняя поражение Саркози, газета «Коммерсантъ» отмечала, что Франция проголосовала не «за» Олланда, а «против» Саркози. Французам претила «аморальность власти», им не нравилось, что решения принимаются в интересах узкого круга друзей президента [Тарханов, 2012 б]. После избрания Олланда, подчеркивал российский журналист, произошла «мягкая передача власти». Особое внимание читателей обращалось на тот факт, что «нормальным во Франции считается не добивать честно проигравших соперников, не вычищать их из политической жизни, а воспользоваться их умениями», замечание, представляющее особый интерес для россиян, мало знакомых с подобной политической практикой [Тарханов, 2012 а].

Тем не менее избрание Олланда не вызвало энтузиазма в российских политических кругах. «Лидеры социалистов, – цитировала “Независимая газета” директора аналитического центра “Обсерво” А. Дюбьена, – слабо знакомы с реалиями [России]» [Дюбьен, 2012]. В тот момент наиболее вероятным сценарием развития двусторонних отношений представлялось сохранение status quo. Однако жизнь богаче сценарных вариантов. В 2013 г. РФ поддержала проведение Францией военной операции против исламистов в Мали. Тогда российские транспортные самолеты перебрасывали французское военное оборудование в эту страну.

В начале своего правления Олланд практически передал ведение внешней политики министру иностранных дел Л. Фабиусу. Но украинский кризис, присоединение Крыма к России и последовавшие за этими событиями военные действия на Донбассе заставили французского президента выйти на авансцену международной политики. Действия российского руководства в отношении Крыма во Франции вызвали осуждение французского руководства [La Crimée rattachée..., 2014]. Французские власти заняли в украинском вопросе единую с другими западными державами позицию. При всей жесткости в оценках политики РФ французское руководство все же настаивало на поиске политического компромисса, а президент Франции полагал, что Франция совместно с ФРГ должна внести вклад в урегулирование конфликта [Hollande, 2014]. Все эти нюансы не могли ускользнуть от российских властей. В июне 2014 г. В.В. Путин был приглашен на празднование 70-летия высадки союзников в Нормандии. Там же по инициативе французского президента состоялась первая встреча российского президента с президентом Украины Петром Порошенко.

В 2014–2015 гг. Олланд превратился в одну из ключевых фигур в поиске мирных решений в украинском конфликте. Он стал первым главой западного государства, посетившим Москву с начала украинского кризиса (декабрь 2014). По итогам встречи российский прези-

дент заявил: «Россия и Франция выступают за немедленное прекращение кровопролития, за то, чтобы были найдены пути сближения, в том числе и по восстановлению единого политического пространства» [цит. по: Цилюрик, 2014].

Комментируя эту встречу, «Независимая газета» подчеркивала, что «Франция стремится занять нишу главного западного переговорщика с РФ и сыграть ключевую роль в преодолении конфронтации». Отмечалось, что курс на «умиротворение» Москвы не был сиюминутным: с некоторых пор Крым перестал упоминаться в официальных документах Елисейского дворца. Объяснением этой позиции со ссылкой на мнение французского аналитика служил тот факт, что «Франция в отличие от многих других стран не чувствует себя комфортно в контексте растущей конфронтации с Россией» [Цилюрик, 2014].

Новые встречи Ф. Олланда и В.В. Путина состоялись зимой и осенью 2015 г. В последние годы франко-российский диалог развивался в неблагоприятном контексте: санкции, введенные западными странами против России, отказ Франции поставить России авианосцы «Мистраль». Можно с уверенностью сказать: если бы отказ от выполнения контракта исходил не от Франции, а от другой западной страны, ситуация спровоцировала бы еще один серьезный конфликт. С Францией, к счастью, этого не произошло. Контракт был расторгнут, Россия получила материальную компенсацию.

«Принятое решение отвечало интересам всех заинтересованных сторон», – заявил, комментируя событие, пресс-секретарь президента РФ Д. Песков. Он выразил надежду, что «дух взаимопонимания и партнерства, который превалировал в ходе урегулирования проблемы “Мистралей”, будет сопутствовать Парижу и Москве в решении других вопросов, которые стоят на повестке дня двусторонних отношений» [Путин и Олланд., 2015]). «Независимая газета» писала: «Россия не только получила компенсацию, но и “осталась с прибылью”» [Владыкин, 2015]. Не критиковали российские СМИ французского президента и за то, что он не посетил Москву в дни празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, хотя в самой Франции это решение вызвало неоднозначную и скорее критичную реакцию.

«Еще год тому назад, – отмечает сенатор-социалист Ж.И. Леконт, – казалось, что Франция и Россия смотрят на проблемы, возникшие в международных отношениях, с разных сторон. Сегодня эта ситуация преодолевается, многие вопросы мы оцениваем сходным образом» [Леконт, 2015]. Мнение политика может показаться излишне оптимистичным. Франция и Россия переживают в настоящее время одну из самых «низших» точек в двусторонних отношениях, и трудно сказать, когда отношения между двумя странами восстановятся на прежнем уровне.

Что же касается политического и экспертного сообщества, то оно разделено: кто-то убежден, что Россия должна действовать жестко в отношении «недружественных» европейских политиков, другие верят в возможность достижения компромисса. Эти две позиции особенно отчетливо проявились летом 2015 г., когда ряд высокопоставленных французских политиков оказался в санкционном российском списке [Цилюрик–Франц, 2015].

В международной практике случается, что решение ряда сложных вопросов приходится на момент кризиса. В 2015 г. Министерством образования и науки РФ и Министерством высшего образования и научных исследований Франции было подписано соглашение о взаимном признании дипломов во всех сферах, кроме медицины. Речь идет о соглашении, переговоры по которому велись многие годы. С 1 сентября 2015 г. в России введен новый образовательный стандарт: с пятого класса в российских школах обязательным становится преподавание второго иностранного языка. Этим языком может стать французский, вопрос, по признанию посла Франции Ж.-М. Рипера, обсуждался им в Министерстве образования и науки РФ.

Развивается российско-французское научное сотрудничество. В 2015 г. в Санкт-Петербурге побывал директор Института им. Пастера. Французские полюса конкурентоспособности, занимающиеся внедрением инноваций, одними из первых начали развивать партнерство

с российским Сколково. Особо французскую сторону интересуют разработки российских ученых в области создания робототехники. 29 сентября 2015 г. в Сколково прошел День Франции. Несмотря на непростую международную ситуацию, в 2016 г. в России и Франции пройдет перекрестный год туризма и исторического наследия. Но, главное, о чем не стоит забывать: несмотря на напряженность в международных отношениях, российские и французские спецслужбы ни на один день не прекращали взаимодействия [Ripert, 2015].

«Франция – это наш долгосрочный надежный партнер», и с этой страной РФ намерена развивать всестороннее сотрудничество, отмечает глава торгового представительства РФ во Франции А.В. Туров [Туров, 2015]. Французские бизнес-партнеры согласны с этой оценкой. В 2015 г. ни одна французская компания не покинула российский рынок.

Франция и Россия: поляризация на ценностном уровне

Международный кризис – это всегда тяжелое испытание в отношениях между странами. В последние годы самые серьезные, можно сказать, непримиримые расхождения между Россией и Францией проявились в области базовых ценностных установок.

В 1990-е годы россияне болезненно воспринимали постоянную критику со стороны Франции, им наскучили «уроки», которые французское политическое сообщество давало России. Опросы показывают, что наши сограждане остро реагируют на стремление западных стран навязывать России свое понимание демократии. Отвечая на вопрос: «Что мешает конструктивному развитию отношений между Россией и ЕС», – 34% граждан РФ называли «стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии» [Российская идентичность..., 2007, с. 111].

Дело не только в «менторском» тоне, который характерен для французских политиков и экспертов. Материалы исследования свидетельствуют: в российской интеллектуальной среде ощущается порой откровенное разочарование. *«Раньше я приезжал во Францию как ученик, – замечает историк, хорошо знающий страну. – Франция была моей путеводной звездой. Там я впервые понял, что такое открытая политическая борьба. Сегодня я вижу, что страна утрачивает свои республиканские ценности».*

Что же произошло, почему Франция перестает быть эталоном, политической моделью для части образованных россиян? Франция традиционно позиционирует себя как родина свободы и демократии, выполняющая мессианскую задачу: продвижение общечеловеческих ценностей во всем мире. В последние годы понимание свобод во Франции существенно расширилось. В мае 2013 г. в стране был принят закон, легализовавший однополые браки.

В современной России далеко не все готовы принимать такое понимание свободы. Опросы общественного мнения свидетельствуют: россияне в большинстве своем не поддерживают ЛГБТ-сообщество: в июне 2013 г. 43% наших сограждан считали геев и лесбиянок «морально распущенными» [Россияне не любят..., 2013]. В российском обществе, не склонном к толерантности, закон об однополых браках был воспринят как факт шокирующий. Политический обозреватель РИА Новости Д. Косырев комментировал в своей корреспонденции заключение брака первой во Франции однополый парой из Монпелье. «Наводит на мысль, что кто-то здорово ошибся, потому что с принятием этого закона что-то во Франции, возможно, сломается навсегда» [Косырев, 2013]. Только за 2013 г. во Франции было заключено 7 тыс. однополых браков.

Российские журналисты в своих публикациях делали акцент на массовых выступлениях протеста, которые сопровождали обсуждение закона и его принятие. Рассказывалось о том, как по всей Франции сотни тысяч противников закона выходили на улицы под лозунгом «Семья – главная ценность общества». В российских СМИ распространялись клише о «разорванной нации», «безнациональном стиле жизни». Эксперты и журналисты возмущались: в «евроат-

лантической цивилизации» большинство страдает от напора меньшинства, которое устанавливает свои правила [Карпинский, 2013].

В схожей тональности высказывались и участники проведенного автором статьи опроса. «*В современной Франции наступила диктатура меньшинства, которое навязывает обществу свое мнение*», – замечает респондент. Тема кризиса традиционных республиканских ценностей отчетливо фиксирует разочарование во французской модели демократии. Особенно остро происходящее во Франции было воспринято российскими консерваторами-традиционалистами. Для них Россия – это «уникальная цивилизация», страна, уважающая христианские и патриотические ценности, религию, брак, семью. «У нас свой гуманизм и своя демократия», – отчетливо выражает эту позицию писатель З. Прилепин [Прилепин, 2015].

По мере утверждения в стране представлений об «особом пути» России Франция все больше утрачивала в российском обществе моральный «кредит доверия». Многими она сегодня воспринимается не иначе, как нация, подающая негативный пример всему миру. Следует отметить, что законы об однополых браках были приняты и в других странах Европы, но ни один из них не вызвал такой острой реакции, как тот, что принят во Франции. А это значит: что бы ни писали эксперты и комментаторы по поводу «деградирующей нации», Франция остается для России референтной страной, своеобразным полем идейно-политических баталий, как это было и прежде.

Еще отчетливее мировоззренческие расхождения между Россией и Францией проявились в связи с террористическими актами во Франции. В Париже 7 января 2015 г. была расстреляна редакция сатирического журнала «Charlie Hebdo», опубликовавшего карикатуры на пророка Мухаммеда. Убийство журналистов потрясло Францию. В «Республиканском марше», организованном в Париже, приняли участие более полутора миллионов человек, они несли плакаты «Je suis Charlie» («Я – Шарли»). Россию на мероприятии представлял министр иностранных дел С.В. Лавров. В Москве в день трагедии люди приходили к посольству Франции.

Российские власти и СМИ осудили убийство французских журналистов. Но сразу же после случившейся трагедии в российском обществе разгорелась дискуссия. В ее центре был вопрос: допустимы ли карикатуры на религиозных деятелей? По контрасту с отношением к людям нетрадиционной сексуальной ориентации в этом вопросе возобладала терпимость, поскольку она соответствовала афишируемым «традиционным ценностям». В СМИ были представлены два подхода: одни считали, что следует уважать религиозные чувства верующих и не допускать иронии в этом вопросе, другие полагали, что, невзирая на существующую в обществе угрозу терроризма, следует отстаивать свободу слова. Сторонники первой точки зрения были явно в большинстве: 62% опрошенных россиян полагали, что карикатуры религиозного характера недопустимы [Отношение России..., 2015].

Представительство Московского патриархата, занимающее активную политическую позицию, осудив терроризм, подчеркивало, что журналисты поставили свободу слова выше чувств верующих. Роскомнадзор РФ рекомендовал российским СМИ не перепечатывать карикатуры из французского журнала. Скандально известный писатель Э.В. Лимонов, все больше эволюционирующий в сторону державного консерватизма, отмечал: «Я всегда считал и считаю, что не следует нападать на мировые религии и пророков. Это низко и аморально» [цит. по: Piqués au vif..., 2015].

В Ингушетии и Чечне прошли многотысячные манифестации, их участники осуждали публикацию карикатур. «Мы никому не позволим оскорблять пророка Мухаммеда», – заявил в эти дни глава Чечни Р.А. Кадыров [цит. по: Charlie Hebdo..., 2015]. Известно, что и убийство оппозиционного деятеля Б.Е. Немцова оправдывалось лицами, причастными к этому теракту, «оскорблением чувств верующих». Консервативная Россия открыто заявила: «Мы – не Шарли». Ее представители подчеркивали: в собственной смерти виноваты сами журналисты, так как открыто шли на провокацию. Идеолог русского национал-консерватизма А.А. Проха-

нов писал: «Иронисты, хохмачи, которые высмеивают всё, совершили провокативный акт... Они сами накликали эту беду». А председатель парижского отделения Института демократии и сотрудничества, историк и идеолог Н.А. Нарочницкая, выразив соболезнование жертвам террористического акта, осудила не только публикацию карикатур на пророка, но и «западноевропейские элиты», и «свободу так называемого слова» [цит. по: Яковенко, 2015]. Последняя формулировка возникла не случайно. Вопрос о допустимости карикатур религиозного содержания быстро перерос в вопрос о свободе слова и ее пределах. Редактор небезызвестной газеты «Завтра» заявлял: «Теракт наложил ограничения на свободу слова». Один из блогеров сформулировал еще более жестко: «Должна быть цензура печати. Не чувствуешь грани – плати жизнью» [цит. по: Ворсобин, 2015].

На другом полюсе звучали диаметрально противоположные оценки и суждения. Россияне, подчеркивает писатель В.В. Ерофеев, плохо знакомы с французской культурой. Идеи «Charlie Hebdo» существуют во французской культуре со времен Рабле, они вписываются в традиции карнавала, смеховую культуру. Россияне не хотят с этим считаться, им еще предстоит «переварить» это культурное наследие [Ерофеев, 2015]. «Жестокое убийство французских журналистов – это попытка запретить свободу слова оружейными выстрелами», – пишет председатель Совета по развитию гражданского общества и правам человека РФ М.А. Федотов [цит. по: Charlie Hebdo..., 2015].

Карикатура, на взгляд художника А.В. Меринова, – это «зеркало», в котором отражается социум. Изображения карикатуристов могут быть грубы, но имеют право на существование. Если в обществе начнут возникать табу, «наступит мракобесие». Вывод художника: карикатура – это «хороший тест на вменяемость власти» [Меринов, 2015]. «Над родиной смеяться неприлично, – не без иронии подчеркивает политолог А.В. Малащенко, – над президентом – упаси боже, над религией – да что вы! Ведь за нелояльный политический смешок можно получить ярлык “иностранный агент”, попасть в русофобы, что звучит страшнее, чем антисоветчик» [Малащенко, 2015].

Многих россиян потрясла массовость выступлений, которые в трагические дни состоялись в городах Франции и собрали почти 4 млн участников. «Французы – удивительные люди. Поразительно, что в наши дни такое возможно», – отмечал преподаватель РГГУ С.Н. Зенкин [цит. по: Piqués au vif..., 2015]. И в этом смысле в ряде публикаций Франция противопоставлялась России, где массовые спонтанные движения демократической направленности стали редкостью.

В этой связи нельзя не упомянуть эмоциональную «декларацию европеиста», опубликованную журналистом А.В. Красовским на страницах газеты «Псковская губерния»: «Я русский – и я европеец. Я хочу, чтобы русский президент стоял в одном ряду с президентом Франции и канцлером Германии. Я русский – и я европеец и хочу, чтобы тут – в моей стране – были свободы, записанные в моей Конституции. Свобода слова, свобода собраний, свобода мысли и вероисповедания. Я русский, я европеец и Je suis Charlie. И выбор понятен. Есть только добро и зло, свобода и несвобода, любовь и ненависть, Европа и черт знает что. Шарли – и братья Куаши» [Красовский, 2015].

И еще один аспект случившегося. Парижская трагедия поставила вопрос: «Кто виноват?». Отвечая на него, одни авторы основной упор делали на политику США, которые своим стремлением свергнуть диктаторские режимы расшатали ситуацию на Востоке и способствовали росту исламского экстремизма [Прокофьев, 2015]. С их точки зрения, ошибка Франции состояла в поддержке Вашингтона, следовании рекомендациям из-за океана. Некоторые ангажированные обозреватели подчеркивали, что во всем виноваты левые французские политики, которые несут ответственность как за потоки иммигрантов, обрушившихся на страну, так и за «превращение Франции в гнездо терроризма» [Сатановский, 2015].

Тема терроризма в российских публикациях нередко перетекала в тему иммиграции. Популярная массовая газета продолжала муссировать тему «Мечети Парижской богородицы»¹⁹: «Никакого единого “общества” нет. Есть общество и иностранцы. Они не собираются интегрироваться в ваше общество. Они собираются ваше общество интегрировать в свое» [Холмогоров, 2015]. Явно упрощая ситуацию, другой комментатор подчеркивал, что исламский экстремизм притягивает «парней с окраин» [Прокофьев, 2015]. Российскую публику вопрос иммигрантов волнует особо. Французские политики, с которыми приходилось встречаться автору статьи, признают: в России этот вопрос им задают чаще других.

В качестве причин случившейся трагедии россияне также называли: излишне мягкую политику французских властей в отношении СМИ (25%), жестокость мусульманских экстремистов (6%), а также слабую работу французских спецслужб [Отношение россиян..., 2015]. А вот мнение русской парижанки: *«После терактов в январе 2015 г. нам ничего не объяснили. Всё время говорили о свободе слова. Но люди, убитые в кашерном магазине, к этому никакого отношения не имели. О какой свободе идет речь? О свободе в любой момент быть убитыми негодяями»*. Это интервью было записано 14 ноября 2015 г. после того, как в Париже произошла новая серия терактов.

В целом же оценки российскими экспертами ситуации и перспектив развития Франции достаточно пессимистичны. Теракты, произошедшие в 2015 г. во Франции, убежден эксперт Фонда Собчака и бывший политический советник российского президента С.Б. Станкевич, станут «поворотным событием для этой европейской страны» [цит. по: Бородина, Иванов, 2015]. Начнет меняться политика в области иммиграции, высока вероятность изменения политического ландшафта, о чем, кстати, пишут практически все комментаторы, отмечая растущую на фоне иммиграционной волны популярность крайне правой партии Национальный фронт. В сложном положении оказались представители правящей ФСП. Традиционно социалисты выступают против ограничения свобод мигрантов, но в нынешней ситуации они будут вынуждены ужесточать иммиграционное законодательство, – подчеркивает бывший замминистра иностранных дел РФ Ф.В. Шелов-Коведяев [там же]. Кто-то предрекает распад Шенгенской зоны [Франц, 2015]. Все эти прогнозы не отличаются оригинальностью. В этой связи уместно заметить, что в современной России страноведение, и франковедение в частности, переживает серьезный кризис, крайне мало экспертов, понимающих и хорошо знающих Францию.

Заключение

Сложившиеся в России представления о Франции менялись на протяжении столетий. В XVIII–XX вв. Франция являлась для России культурной моделью. Последнее поколение русских франкофилов и галломанов сформировалось на исходе советской эпохи (1970–1980-е годы). Франция остается для россиян привлекательной страной в области культуры и искусства, одним из основных туристических направлений. Вместе с тем отношение наших сограждан к зарубежным странам становится более прагматичным. Люди, желающие покинуть РФ или уезжающие работать за границу, изучают английский язык. По данным исследования ФОМ, проведенного летом 2013 г., только 3% россиян владели французским языком (в Москве – 10%), высказали желание изучать французский – 7% [Опрос ФОМ..., 2013].

Почему россияне не выбирают Францию в качестве места жительства? Ответ прост: иностранцу сложно получить здесь длительную визу и право на работу. Произошли сдвиги и в

¹⁹ В романе Е.П. Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы 2048 год» описываются события 2048 г., когда Франция объявляет ислам государственной религией, Собор Парижской Богородицы превращается в кафедральную мечеть. «Старые европейцы ссылаются в гетто, их дочери попадают в гаремы, католическая церковь уходит в катакомбы, как во времена гонений на первых христиан. Лишь горстка подпольщиков продолжает вести борьбу с воинствующим исламом. – Н.Л.

предпочтениях наших состоятельных сограждан. В настоящее время они покупают собственность в тех странах, куда собираются эмигрировать и которые предоставляют визовые преимущества собственникам недвижимости (Испания, Кипр, Греция). Франции в этом списке нет. Изменилось отношение к стране российской элиты: Франции они предпочитают Великобританию, а своей зарубежной столицей избрали Лондон, или Лондонград, как его именуют в русскоязычной среде. Российским бизнесменам здесь непросто развивать свой бизнес.

Франция на протяжении истории являлась для России не только культурной, но и политической моделью. Россия многое заимствовала из французского опыта: в XVIII в. Французская академия послужила образцом для Российской академии наук. В 1802 г. в Российской империи по образцу французских были созданы министерства, заменившие петровские коллегии. В 1804 г. М.М. Сперанский начал переводить Гражданский кодекс Наполеона, который послужил основой для системы гражданского права Российской империи.

В наше время этот статус сохраняется. В 1990-е годы ряд институтов новой России создавался при поддержке французских специалистов (к примеру, система казначейств). Исследователи отмечают сходство между конституциями двух стран. Подчеркивается, что российский Основной закон многое заимствовал у конституционной модели V Республики, став своего рода «голландской конституцией без де Голля». Эксперт, принявший участие в исследовании, замечает: *«Для России полезен французский опыт медленного и осторожного изменения Основного закона»*.

Франция и Россия – страны с давней централизаторской традицией. Но самое главное, и об этом, пожалуй, пишут чаще всего, Франция и Россия – это страны с сильным государством и устоявшимися дирижистскими традициями. Дирижистское начало прочно закрепилось в экономической и политической культуре Франции. В России на протяжении многовековой истории большая часть преобразований осуществлялась «сверху». Российское государство является не просто наднациональным образованием: оно диктует, направляет, контролирует, заполняя собой практически все общественное пространство, не оставляя места для гражданской самоорганизации [Франция в поисках..., 2007; Ефременко, Лапина, 2014, с. 7–8].

Вместе с тем в последние годы в России берет верх взгляд на Францию как на страну, распространяющую «ложные ценности». Это восприятие напрямую связано с усилением национал-консервативного течения, ориентирующегося на «особый путь» России. В то время как Россия совершала свой «идеологический поворот» в сторону традиционализма, Франция все быстрее двигалась в направлении расширенного понимания свободы. Но было бы ошибкой считать, что речь в данном случае идет о конфликте между Францией и Россией. Это глубокий ценностный конфликт, который раскалывает как российское, так и французское общества. А отсюда и новые политические альянсы, возникающие на этой почве.

Сложившиеся в начале XXI в. в России образы Франции двойственны. На одном полюсе Франция воспринимается как родина великой культуры, сохраняющая креативность и сегодня, на другом – как страна, утрачивающая влияние в мировой политике, *«растворяющаяся в глобальном мире»*, переживающая глубокий *«моральный кризис»*, теряющая индивидуальность. Кто-то воспринимает Францию как страну, где комфортно и приятно жить, а для кого-то жить там небезопасно, в частности, из-за роста терроризма. Нет в России большого доверия к нынешним французским политикам. И в этом смысле проведенный опрос показал: сегодня россияне ностальгируют по политическим деятелям прошлого, таким как Ш. де Голль.

Стереотипы существовали на протяжении истории и будут существовать всегда. Но они не могут скрыть главного: до недавних пор Франция оставалась для россиян абсолютным лидером симпатий: в первом десятилетии XXI в. 75% наших соотечественников считали ее дружественной страной [Российская идентичность..., 2007, с. 107]. В условиях международной напряженности и под влиянием масштабной пропаганды, которая проводится российскими СМИ, внешнеполитические представления резко изменились. За последние полтора года мне-

ния наших сограждан относительно стран Запада ухудшились. В начале 2015 г. к наиболее дружественным странам россияне причисляли Китай (51%), Беларусь (32%), Казахстан (20%). Главным врагом называли США (73%), для сравнения – в 2014 г. это мнение разделяли 25% опрошенных. К враждебным государствам относили Великобританию (9%) и Польшу (6%). Впервые в этот список попала и Франция (3%) [Отношение России..., 2015].

Учитывая, что массовые настроения в РФ менялись стремительно и происходило это под влиянием внешних обстоятельств, есть все основания полагать, что вряд ли «враждебность» затрагивает глубинные слои массового сознания, а значит, сохранится надолго. Трагедия, произошедшая в Париже 13 ноября 2015 г., когда французскую столицу потрясла серия новых терактов, сопровождалась искренней и эмоциональной реакцией наших сограждан. В эти дни к посольству Франции пришли сотни людей, звучали слова поддержки. Останкинская башня окрасилась в цвета французского флага. Трудно припомнить, чтобы солидарность с чужим горем была столь искренна и глубока. И в этом, думается, проявилось подлинное отношение, которое существует в России к Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.